

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ЭЛЬ БЛАНК

ЕЕ МОНСТР

Эль Бланк
Алёна Викторовна Медведева
Ее монстр
Серия «Любовь внеземная (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68468836

Ее монстр:

ISBN 978-5-17-149792-7

Аннотация

Монстр... Опасный и непредсказуемый, он сумел вырваться из лаборатории, расположенной на космической станции. Теперь та, которая должна была его уничтожить, – всего лишь пленница, а корабль, преследуемый военными, уносит их в холодную неизвестность космоса.

Но есть ли смысл ненавидеть своего захватчика и дальше, когда они окажутся на неизвестной, полной опасностей планете? Может, стоит забыть про ненависть и попытаться поверить друг другу? Ведь только так можно выжить. А еще и... полюбить?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	62
Глава четвертая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	125

**Алена Медведева,
Эль Бланк
Ее монстр**

© А. Медведева, Э. Бланк, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

Адаптация

Троя

Плохо... Как же мне плохо...

Несвязная мысль и ощущение бессилия: тело словно налитое свинцом, даже век не поднять, стук сердца где-то в висках... и дышать невозможно!

Глаза все же распахнулись, и яркий всполох ворвался в сознание, ослепляя разноцветьем спектра. Рот раскрылся в беззвучном крике в попытке втянуть хоть каплю живительного воздуха.

И я его получила. Вдохнула с судорожным всхлипом, еще и еще. Смежила веки, спасаясь во тьме, не в силах выносить терзающее давление, сменившееся обрушившимся на меня тонким свистом. Мучительным, сметающим все на своем пути, кроме желания сжаться в комок, исчезнуть, раствориться в небытии – все что угодно, лишь бы не слышать. Застонала в отчаянной попытке избавиться от сводящего с ума звука, и... он исчез, захлебнувшись на последней визгливой ноте.

Покой...

Безликий, оглушающе тихий, вязкий... Желанный! Так и становятся душами, которым нет дела до мирских ощущений. Как амиотам. Им ведь материальность безразлична.

Почему я думаю об амиотах?

Оглушившая неожиданно мысль сработала спусковым механизмом. Перед глазами в одно мгновение промелькнуло все, что сосредоточенный на сиюминутном разрушающем воздействии разум предпочел задвинуть за ширму пустоты.

То, как я чудом выжила на станции, с которой бежали существа, прихватившие меня с собой. Вернее, один из них. Выжила, когда мир многих недавних коллег исчез в круговерти жадного голода амиотов.

То, как на моих глазах гибли соратники, теряя жизнь. Ее в буквальном смысле выпивали монстры, которых создали в лабораториях станции, самоуверенно рассчитывая использовать в собственных интересах. Не сложилось: творения превзошли создателей, а простые обитатели космической станции стали разменной монетой, подвернувшейся под руку сильнейшим. Нет, скорее уж питательным ресурсом, в свою очередь послужив интересам чудовищ.

То, что вопреки всякой логике я осталась в живых, когда угнанный чужаками транспортник настигли преследователи. Они должны были стереть его с лица Вселенной. И я была готова к крушению, понимая его неизбежность. Но... снова все случилось не так.

И вновь в ушах прозвучали мой внутренний крик ужаса, мольба-прощание, бесчисленные укоры самой себе. Душу переполняла горечь сожаления, что не ценила и не проживала каждый свой день как единственный и неповтори-

мый, смиряясь с неизбежностью гибели, оставаясь пленницей амиота, я отчаянно желала повернуть время вспять, отчетливо понимая – невозможно. Та скучная, надоевшая, порой раздражавшая, но такая привычная жизнь безвозвратно утрачена.

Жизнь – понятие относительное. Мы не замечаем ее незначительных моментов, не способны в полной мере почувствовать всю прелесть постоянства, когда в монотонном спокойствии и рутине день сменяется днем, а год – годом. Но стоит внезапно исчезнуть привычному и прежде казавшемуся скучным миру, как к каждому из нас неизменно приходит способность ценить то, что прежде не казалось значимым: способность ощущать жизнь во всей ее красоте и многообразии. Что имеем, не храним, потерявши – плачем!

Как же это страшно – ждать неизбежной гибели. Обидно вдруг осознать, что твоя жизнь была бесценна и отчаянно желанна. Никто не жаждет смерти, все мы желаем лишь жить. Всегда. Вопреки всему. Такова наша природа. Я опоздала с этим пониманием ровно на тот роковой миг, когда мой мир рухнул. Несколько раз чудом избежав гибели, в тот момент, когда неуправляемый транспортник, разгоняемый силой притяжения планеты, с запредельной скоростью мчался к единственному финалу, я знала – мы разобьемся. Скафандр натягивала скорее из упрямого человеческого стремления цепляться за жизнь до последнего, глубоко в душе понимая смехотворность действий. Ничто уже не поможет. И

даже чудовищный монстр, притиснувший к себе мое тело, онемевшее в ожидании неминуемого удара, уже не пугал. Смерть была страшнее своих посланников, а желание жить – безумным и отчаянным. Как и сожаления о том, что прежде не ценила.

Сейчас я заново переживала все. Перевернувшийся мир, в очередной, несомненно последний, раз взорвавшийся на осколки. Смерч из обезумевшего воздуха, наших тел и обломков рубки управления, видимый сквозь экран скаффандра, прижатого к груди моего пленителя. Словно в недрах центрифуги, нас крутило, болтало и швыряло так, что я отчетливо понимала – от моих костей заживо оторвет все мышцы, и мое тело разлетится на осколки. Это естественно.

Страх, отчаяние и сожаление о том, что объективно не способна выдержать, – с ними я встретила свою гибель. Не выдержав боли и ужаса, провалилась в благодатную тьму.

Да здравствует вечное забвение! Будь проклято оно...

Последняя мысль перед тем, как мир навеки исчез в бешеном водовороте бесчисленных обломков. Исчез и возник вновь?!

Как? Круговерть обезумевшего воздуха улеглась, и мы не разбились?! Да быть не может...

Распахнула глаза, уже иначе реагируя на свет и лишь теперь осознавая всю палитру накрывших меня ощущений, принимая еще одну данность: тело при мне. И разум. Ведь невозможно спятить посмертно! Я жива. Точно жива!

Судорожно дернувшись, попыталась осмыслить итог произошедшего. Тело, оно же в порядке? Мне ничего не... оторвало? Сердце замерло на доли секунды, что понадобились рванувшим в мозг нервным импульсам, но все они категорично заверили мое сознание – жива, цела и вроде даже не сильно пострадала. Такое вообще возможно?!

Хотя...

Мышцы дрожали, словно накануне я с сумасбродным упорством отжимала неподъемную штангу. Кожу на бедре саднило – похоже, содрала. Что-то теплое стекало по верхней губе. Сил, чтобы стереть, не хватало, но при этом хотелось понять – пот это или что-то другое? Лишь когда жидкость скопилась в уголках губ и попала в рот, я ощутила солонатоватый привкус железа. Все же кровь...

Повреждение. Это хорошо, да? Значит, я точно выжила. Или плохо? Настолько все серьезно, раз истекаю кровью?

Мысль оформилась запоздало, и думать о чем-то ином, кроме своего состояния, я даже не пыталась. Все было малозначимо. Какая разница, где я и почему очнулась именно сейчас, если кровь покидает организм?! Может ли моя убежденность в спасении быть следствием парализованного болевым шоком сознания в фактически умирающем раздробленном теле? Откуда идет кровь? Если серьезно пострадала голова, уже нет смысла разбираться в случившемся.

Рефлекторно дернулась, однако, чтобы поднять руку к лицу, пришлось приложить усилие. И все же я справилась.

Сфокусировав взгляд, отчетливо увидела алый мазок на прозрачном лицевом щитке шлема, ощущая его как преграду для моей ладони в эластичной серебристой перчатке. На этом все: запястье тисками сжали чужие пальцы, делая невозможными дальнейшие движения.

Вскинув голову, встретила глазами с пронзительным взглядом, и все мысли тут же исчезли. Кроме одной: худшее из невозможного случилось – Седьмой по-прежнему рядом. Он тоже выжил и меня не отпустил. Сберег приглянувшуюся игрушку.

Сколько мы так смотрели в глаза друг друга? В какой-то миг показалось, что вижу себя в бездонной глубине насыщенно-сиреневой радужки. Нет, не себя, а словно свои мысли. Отражение отвращения и пробудившегося страха?

Глаза и лицо исчезли, а меня ослепило нахлынувшим светом, который прежде заслоняла голова амиота. Монстр отстранился, но времени на осознание перемен у меня не осталось. Вслед за потоком странно-резкого розового света снова накатил невыносимый писк, вибрирующий, разрывающий голову, как если бы ее пытались просверлить насквозь.

Забыв о последствиях аварийного падения на непонятную планету, о ране, о кровотечении, даже о находящемся рядом жутком амиоте, я оцепенела, напрягая и без того изможденное тело в безуспешной попытке противостоять убийственному давлению.

Дичайшая боль, нечто несопоставимое с самим фактом

существования – кошмарный звук, похожий на скрип когтей по стеклу, зудящий и разъедающий разум, буквально выворачивал наизнанку. Я практически оглохла и ослепла, желудок устремился к горлу, грозя удушьем. Попытки как-то дистанцироваться от воздействия себя не оправдали – я не продержалась и десяти секунд, как тело сотряслось в безумных судорогах.

Едва соображая, раздираемая изнутри невыносимой мукой, чувствуя, как лопаются капилляры, а позвоночник выгибается дугой, я бессознательно билась, силясь сорвать с себя все. Избавиться от тяжести и вибрации, которыми, казалось, пропитался окружающий мир.

Все мысли слились в агонизирующий вопль. Возможно, я на самом деле орала в полный голос, надрывая связки, но едва ли была способна услышать себя.

Как спастись? Отгородиться, спрятаться?.. Паника и боль не оставили шансов. И тут...

Все прекратилось так же внезапно, как нахлынуло.

Облегчение, практически эйфория... Тело бессильно обмякло. Ощущая себя желе из костей и мяса, я была способна лишь дышать. Даже думать казалось невозможным. Свет снова померк, яркое розовое сияние исчезло, скрытое тучей... Нет! Лицом!

– Троя? Троя?

В голосе, неведомым образом дошедшем до моего парализованного агонией разума, определенно звучал вопрос.

Уцепившись за призыв, я сумела сфокусировать взгляд, уже узнавая пугающие черты чудовища. Амиот, несомненно, видел мой приступ и отреагировал, желая понять его причину.

Но для меня ничто не имело значения, кроме внезапно исчезнувшей боли и облегчения – невыносимый писк пропал. А с ним и его нестерпимое воздействие. Не сразу осознала, что Седьмой держит меня на руках, максимально открыв своему взгляду, пристально изучает наверняка обезображенное страданием лицо, прислушивается к тяжелому судорожному дыханию. А я смотрела на него, опасаясь лишь нового всплеска череподробительного воя. И чем дольше длился наш зрительный контакт, тем больше крепла уверенность: амиот не выглядит страдающим! Или мне это только кажется?..

Попытаться узнать, как на самом деле, у него самого? Безумие. Однако рядом был только Седьмой, а я буквально содрогалась от мысли, что убийственный звук вернется. Инстинкт самосохранения не позволял бездействовать и требовал разобраться в том, что меня определенно убивало. Узнать истину, пусть даже с помощью врага.

– Звук...

Вроде громко сказала, но сама себя не услышала – то ли слух еще не вернулся, то ли мои потуги выдавить из себя хоть что-то не дали результата. Однако монстр отчетливо повторил:

– Звук.

Среагировал он на мой голос или, как прежде, на мысли, меня сейчас не волновало. Как и то, почему Седьмой вообще тратит на меня время и силы, а не отшвырнул прочь, как заплесневевшую корку, утратив гастрономический интерес. Важнее было не умереть. Не уверена, что смогу вынести еще одну агонию.

– Ты... – пришлось проглотить скопившуюся во рту кровь. – Ты его слышал?

Амиот не спешил с ответом, но я каким-то внутренним наитием ощутила: он анализирует отрывочные слова, отыскивает в своем мировоззрении то, что способно объяснить мои всхлипы. Пристальный взгляд стал еще более цепким, и в нем присутствовал все тот же необъяснимый пугающий интерес.

Понимание этого заставило собраться. Теперь хотелось, чтобы меня поняли как можно быстрее, а страх повторения заставлял подыскивать слова, описывающие пережитое минуты назад.

– Больно... очень. В голове.

Сил говорить едва хватало, сама себе напоминала недавних подопытных, с явной натугой исторгавших из себя речь. Губы слушались плохо, все еще отходя от последствий спровоцированной болью судороги. Но амиот услышал. Склонился ближе и пальцами, на удивление, не раня острыми ногтями, коснулся моего виска.

Однако даже это не настолько уж страшное касание заста-

вило запаниковать.

– Нет!

Кажется, на этот раз получилось вскрикнуть. Алая пелена, обступившая лицо амиота, – наверняка последствие лопнувших в глазах капилляров – стала мутнеть.

Седьмой отреагировал с той же сверхскоростью, присущей их новообретенным телам. Я была его жертвой, но он точно не стремился причинить мне боль и при моем крике не просто убрал руку, но еще и отодвинул меня, отстранившись.

Я оказалась болтающейся на его вытянутой в сторону руке. Мне бы испытать облегчение, когда избравший меня игрушкой дьявол отдалился, но... синхронно с приглушенно зазвучавшим воем подступила боль. Медленно вгрызлась острыми гранями в виски, заставляя забиться в новой судороге. Опять?! Нет, нет, умоляю...

– Звук! – услышала я свой негромкий вскрик. – Он убивает, душит...

Не успела описать ощущения, как боль пропала, сменившись неопишуемым облегчением и тишиной. Только сильное сердце амиота билось где-то возле щеки – он снова прижал меня к себе.

– Звук? – спросил совершенно спокойно. В неизменно отстраненном тоне ни паники, ни муки. – Да, я воспринимаю четкую постоянную пульсацию. Она присутствует во внешней среде. Это угнетает добычу?

Он склонил голову, словно прислушиваясь. Или, возможно, советуясь с себе подобными привычным им безмолвным способом?

Больше не пытаюсь отстраниться, я едва ли понимала смысл слов, бормотание казалось бессмыслицей. Да и толку? Мне не объяснить, ему не понять. Одно верно: амиот или никак не реагирует на вой, или к нему невосприимчив. Вероятнее всего, навязанное ему тело просто выносливее.

Какое-то время я лежала, опасаясь пошевелиться, чтобы не спугнуть временное состояние покоя и не спровоцировать новых мучений. Что это? Почему оно вдруг накатывает неожиданно, необратимо? Пульсирует...

Стоп! Амиот тоже упомянул пульсацию. Значит, ощущает звук? Выходит, дело опять в том, что я физически слабее? Он противостоит этому воздействию извне, а я – нет. Он сказал, постоянная, но почему тогда вой накатывает на меня внезапно и так же исчезает?

Закрыв глаза, слушала ровный стук сердца моего пленителя – удивительно, но это помогало думать.

– Звук угнетает? Это больно Трое? Когда?..

Он снова спрашивал, а я не понимала почему. Стала бы на его месте так настойчиво интересоваться состоянием жертвы в момент, когда важнее все силы бросить на осмотр места катастрофы? Сомнительно...

Ощущение прохладной руки на лбу как безмолвный ответ. Давления не было, и потому я не испугалась, не шарах-

нулась из последних сил в сторону.

В сторону... В сторону!

Догадка вспыхнула озарением: когда мое тело прижимает к себе Седьмой – я не слышу убийственного воя! Но стоит амиоту отстраниться, меня скручивает волна муки. Когда его рука, вот как сейчас, ложится на лоб – все, что сводило с ума, словно порывом ветра сносит, освобождая от гнета. Он... Он меня защищает? Его тело защищает? Осознает это сам амиот?

– Когда я далеко...

Мои губы приоткрылись, невольно отвечая на вопрос. От бессилия и отчаянного желания донести до амиота свою идею я впервые уповала на то, что он неведомым образом слышит мои мысли. И поймет суть лучше меня самой.

Тут же руки монстра сжали меня сильнее. Нет, это не превратилось в удушающую хватку, но я отчетливо распознала дополнительное усилие. Чужак меня услышал!

Едва осознав, что нахожусь под защитой, пусть еще не могла постичь ее природу, начала успокаиваться. Разум отошел от болевого шока и теперь принялся разбираться в вихре атакующих мыслей.

Моментально вспомнились слова, брошенные штурманом перед посадкой: «Приливные ультразвуковые волны... Мы там за пару дней загнемся, как и те горе-переселенцы, кто успел на Землю инфу отправить вместе с предупреждением «сюда не соваться!»

Ультразвук! Вот что это было! А тело Седьмого, похоже, генерирует нейтрализующее поле! Или это делает его разум? Возможно, он как-то интуитивно глушит опасный диапазон излучения. Других предположений не было, ведь очевидно, что для покинувшего лабораторию подопытного звук проблемой не стал – о телах, созданных для амиотов, все мы знали не больше, чем об их прежнем бестелесном облике.

Пожалуй, быть с ним рядом не так уж плохо. Безопасно.

Безопасно?! Кажется, я схожу с ума. О какой безопасности думаю, если амиот в любую секунду способен меня... выпить. Все они способны – видела собственными глазами.

Стоило подумать о пищевых пристрастиях недавних подопытных, как Седьмой встряхнулся. Почувствовав его движение собственным телом, взглядом метнулась к неизменно безэмоциональному лицу амиота. И в тот момент было в этом устрашающем мужчине ощущение глубинного довольства. Что-то подобное утробному урчанию сытого кота.

Он не выпивает меня, потому что сыт?

– Глупо, – неожиданно раздался над моей головой строгий голос. – Сейчас нет смысла. Потом нет смысла. Ты не еда.

Не еда? Нервно сглотнула, ощутив больше тревоги, нежели облегчения. Есть не собирается, но и не отпускает. Тогда что я для него? Или... кто?

– Женщина, – припечатал монстр, словно воспроизводя ранее услышанное. Или отвечая на мой безмолвный вопрос? – Противоположная особь. Нужна для размножения. –

Задумался, вряд ли представляя суть сказанного, слишком далеки подобные практики от существования нематериальных существей. Но амиот проявил свойственную их кошмарной расе практичность и любознательность: – Это непонятно, но интересно. Будешь показывать.

Что?! Показывать? Как размножаться?

Едва не задохнулась от шока. Впрочем, мозг, все еще ошутимо контуженный экстремальным воздействием ультразвука и гибелью коллег, отреагировав на это вопиющее заявление и, как следствие, получив основательную встряску, наконец-то начал функционировать более-менее нормально.

Седьмой... Он, видимо, слышал все, что я говорила Третьему на звездолете, объясняя странное поведение амиотки. И запомнил. Больше того, не понимая и толики услышанного, заинтересовался. И нашел самый «подходящий» момент высказаться.

«Вот дура... Сама себе яму вырыла! Как теперь из нее выбираться?!» – набатом застучало в голове, и я погрязла во внутренних кошмарах, немного абстрагировавшись от жутких реалий.

– Не из чего выбираться, – вновь продемонстрировал чудеса телепатии амиот. – Твоя «яма» осталась на корабле, что от него уцелело – далеко, почти под поверхностью, ты не там... – Монстр задумался и замолк. Наконец с изрядной долей сомнения спросил: – Ты уверена, что рыла ее? Я не видел.

Он не шутил. С вдумчивостью, которая, в моем представлении, имеет смысл лишь в серьезном разговоре, задал смехотворный вопрос, вновь продемонстрировав полное незнание элементарных вещей. Будь на месте Седьмого обычный человек, находишься мы в более спокойной обстановке, от души посмеялась бы. Но холодный, лишенный и намека на эмоции взгляд, которым на меня смотрел амиот, ужасал настолько, что становилось не до смеха. Кто знает, вдруг он воспримет это как оскорбление и забудет о своем интересе к неуместно возникшей теме размножения? И выпьет. Или отшвырнет, отдав на растерзание смертоносному звуковому воздействию.

От ужасающей перспективы, вопреки внутреннему неприятию, теперь уже я сама вцепилась в своего жуткого похитителя. Пальцы в эластичных перчатках скафандра судорожно сжались, ухватившись за его предплечье и грубый край ворота.

Грубый вовсе не из-за качества ткани, а от грязи. В заско-рузлом материале я с трудом опознала жалкие трико и водолазку, в которые облачили пленников перед боем. За время, прошедшее с того дня, одежда впитала кровь, собрала всю пыль и грязь рушащегося в круговороте вибрации, сгорающего в атмосфере корабля и в довершение пропиталась ржавой болотной жижей.

Амиоты явно не придавали значения одежде. Им и в голову не пришло сменить непрактичное одноразовое белье хотя

бы на комплекты униформы команды из запасов звездолета. Прежде не знавшие материальных потребностей, монстры не считали необходимым прикрывать себя. Им неведомо понятие стыда? Или просто непостижима мысль, что материальным оболочкам может требоваться дополнительная защита, пусть даже формальная, с учетом неуязвимости искусственно выращенных тел? Вот мы с Игерем, едва осознав угрозу неминуемого падения, первым делом вцепились в скафандры...

Невольно вздрогнула, вновь вспомнив кошмарные минуты аварийной посадки. Мне повезло выжить. А что с другими?! Не с амиотами, а теми, кто попал в плен к этим ненасытным нелюдям?

Сделав уже осознанный глубокий вдох, радуясь, что воздух пригоден для дыхания, я повернула голову, чтобы увидеть хоть что-то помимо грязной водолазки и спутанных до состояния пакли волос Седьмого.

И увидела... лежащие чуть в стороне на возвышении, подобном островку среди мутной жижи, уложенные едва ли не штабелями тела других пленников. Искореженные, с явными признаками повреждений на скафандрах, следами крови и с застывшими масками предсмертной агонии на лицах.

Страшное зрелище. Однако и понимание причин их гибели тоже присутствовало – ощущения череподробительного воя еще были свежи в памяти. Как и осознание – я могла лежать там же таким же безынтересным для монстров матери-

альным хламом. Мою жизнь спасло только близкое присутствие Седьмого, та самая дезориентирующая еще с момента пребывания на транспортнике манера амиота держать меня при себе.

Меня затрясло как в ознобе, скорее по причине испытанного шока, а не от холода, – нагревательные элементы скафандра еще действовали. И все отчетливее доходила ужасающая данность: возможно, я единственная из пленных уцелела при этой адской посадке. Осталась один на один с неубиваемыми созданиями, имеющими отличную от привычной модель мышления. Каждую секунду с момента «воскрешения» я чувствовала колоссальную разницу между нами.

Седьмой мою дрожь заметил и неподвижно замер на бесконечно долгие для такого быстрого существа мгновения. Возможно, прислушивался и пытался разобраться в причинах моего несомненного отчаяния. Однако промолчал, а потом и вовсе продолжил движение. Мое присутствие несколько не отягощало его, словно я весила не больше носового платка, заткнутого за пояс.

Отвела взгляд от погибших, страшась вновь задрожать от судорог паники. Как бы не сойти с ума в столь отчаянном положении. Пережив катастрофу, потеряв единственное пристанище – звездолет, оказаться на страшной планете, где не должна ступать нога таких, как я.

Старательно не опуская глаза к земле, где бессмыслен-

ной кучей лежали тела недавних собратьев по несчастью, напоминая себе об опасной реальности, в которой оказалась, окинула дикий и не менее чуждый пейзаж неизвестного мира. Увиденное не впечатляло. Белесое небо, затянутое чем-то вроде тумана, сквозь который у самого горизонта тускло просвечивал маленький диск розового солнца, из-за чего окружающее пространство казалось сумрачным и нереальным, словно я смотрела сквозь прибор с инфракрасным фильтром.

Впрочем, уверена, даже при обычном освещении местный пейзаж не был радующим глаз прекрасным зрелищем. Унылая, простирающаяся до самого горизонта равнина. Даже на вид не твердая, а топкая, покрытая желто-коричневой жижей, из которой торчали редкие красно-бурые растения – во всяком случае, я посчитала их таковыми. Невысокие, безлистные, похожие на засохшие изломанные стволы деревьев.

Там, где «флора» была чуть гуще, образовывались небольшие возвышенности-островки, покрытые густой пожухлой... травой? Росла она на поверхности все той же жижи – ноги амиотов, бродивших по такому участку, по щиколотку, а иногда и по колено вязли в топкой грязи.

Вдали к начавшему темнеть небу поднимался столб дыма. Ветер сносил его в сторону, но он все равно не исчезал – что-то горело внутри останков транспортника, практически полностью ушедшего в болото, видимым оставался лишь маленький фрагмент носовой части. На горизонте, наверное, в

нескольких километрах от нас, был виден еще один дымный шлейф.

– Там... корма. Отвалилась. Двигатель взорвался.

Пояснение, хоть и сказанное равнодушным тоном, в очередной раз доказывало – падение было страшным. Просто чудо, что хоть кто-то выжил. Впрочем, не удивлюсь, узнав, что все амиоты выдержали разрушительное столкновение корабля с землей.

Осматриваться, болтаясь на руках Седьмого, было не очень удобно, но мне и в голову не пришло жалеть об этом. Сейчас я сама цеплялась за него, как бездумная и ведомая лишь инстинктом мартышка.

С чем можно сравнить ситуацию? Разве что с попаданием современного человека в какой-нибудь древнейший палеолит – чуждое, дикое и устрашающее место, напрочь лишенное условий для нормального существования. Кров? Пища? Ничего здесь не было. И я одна в окружении сверхсуществ с сознанием младенцев. В месте, где мне не выжить.

Мы, дети прогресса и современных технологий, давно разучились выживать при отсутствии необходимого комфорта. Но амиоты... У них подобной проблемы не было. Они ее себе даже не представляли! Вели себя равнодушно и спокойно, словно для них естественно бродить в болотной грязи без возможности как-то обезопасить себя или хотя бы устроиться для отдыха. Их ничуть не беспокоила невозможность укрыться от глаз неведомой угрозы из числа имеющейся в

наличии местной фауны, наверняка рыскающей поблизости.

Поразительно, но я вообще не видела различий между их поведением в клетках, на корабле и теперь здесь. Они не осознавали последствий случившегося?! Им было все равно? Меня же паника захлестывала тем сильнее, чем невозмутимее и деловитее вели себя недавние подопытные. Один факт их присутствия угнетал: создатели этих тел не получили ни одного шанса выжить в случившейся трагедии, а «эксперименты»...

«Эксперименты» согласованно и внешне безмолвно перемещались по островку. Возились с теми из своих, кто пострадал во время крушения или же еще до посадки имел сложности с управлением телом. Разбирали беспорядочную грудку чего-то, вероятно, прихваченного с собой с транспортника. Рассмотреть не получалось – работали они в тесном контакте, напрочь перекрывая обзор на «добычу». Седьмой тоже не стоял, постоянно двигался, явно участвуя в общем действе, хотя его функции больше походили на работу наблюдателя. Или координатора?

Так и не успев в этом разобраться, вздрогнула. Только причиной были не страхи, а раздавшийся стон. Нет! Не стон! Мучительный сдавленный вопль! Словно того, кто пытался его издать, душила рука силача и одновременно рвала на части стая хищников.

Сквозь эластичную ткань скафандра ощутив напряжение мышц Седьмого, прижавшего меня теснее, все же сумела

бросить взгляд в сторону. Источник звука оказался недалеко от общей массы темных из-за вьевшейся в одежду и кожу грязи атлетических тел амиотов – еще две фигуры в скафандрах. Точно из пленников, потому что оба в конвульсиях бились на пожелтой желто-оранжевой растительности.

Одного я узнала мгновенно: Игерь! Второго, кажется, видела в ангаре станции, но сосредоточиваться и припоминать не стала и неосознанно потянулась в их сторону.

Живы! Отчаянно хотелось, чтобы это оказалось правдой! И тут же молнией мелькнула догадка о причине мучений – пленников накрыло разрушительным воем, когда топтавшиеся рядом с ними амиоты отошли в сторону. И сейчас несчастные немедленно умрут, изнутри взорвавшись от боли!

– Вернитесь к ним! – закричала, обращаясь к амиотам, желая предупредить страшный финал. – Подойдите ближе!

Никто и не подумал прислушаться к моим словам – все продолжали стоять в сторонке, с неизменным спокойствием наблюдая за конвульсиями пленников.

– Ты! – Я настолько за них испугалась, что собственный страх отошел на второй план: остаться единственным человеком среди чужаков – для меня все равно что умереть. Вывернулась, вцепившись в плечо Седьмого. – Ты же знаешь! Скажи им! Пожалуйста... – закричала, едва не рыдая от отчаяния.

Мой голос, усиленный странным резонансом, словно от-

разился от низких розоватых облаков, прогремев над пугающе-безмолвной равниной. Но и это не поколебало спокойствия недавних подопытных.

– Почему? – Седьмой, не позволяя мне вырваться, единственный проявил хоть какой-то интерес. И то скорее к моим сумбурным движениям, чем к страданиям пленников.

– Что почему? – затараторила, вновь цепляясь за заскорузлую одежду амиота в сомнительной попытке встряхнуть этот бесчувственный столп. – Сказать? Потому что, кроме тебя, меня никто не слышит! А медлить нельзя! Они же погибнут! – окончательно забыв об осторожности, завопила прямо в ухо непрошибаемого монстра – настолько сильно меня трясло от обреченной ярости. И тут же подавилась криком – прямо на моих глазах, явно защищая органы слуха, часть внутренней поверхности ушной раковины амиота вздулась и отслоилась, словно образовав перепонку, препятствующую излишне громкому звуку.

Вот как такое пронять? Чем?! Что за сверхсущество на погибель всем создали недоумки-ученые в своих лабораториях!?

Никаких внешних сигналов я не заметила, но к корчащимся в склизкой грязи несчастным с молниеносной скоростью подскочили двое из амиотов. Мученические вопли тут же иссякли, сменившись обессиленными хрипами и сиплым дыханием.

– Так? – безразлично уточнил Седьмой, буравя меня при-

стальным взглядом.

– Да, спаси... – с облегчением переведя дух, начала было, ликуя, не в силах оторвать взгляд от коллег.

Однако парочка явно направляемых Седьмым собратьев снова синхронно отступила. И кошмар вернулся. Чудом выживших снова затрясло в конвульсиях, сопровождаемых криками агонии.

– Мать вашу! – заорала, поздно вспомнив, что про мать – это не к амиотам, иначе откуда бы такая нарочитая бесчеловечность. Впиваясь взглядом в лицо Седьмого, взмолилась: – Что сейчас?

– Удостоверился. – Он и бровью не повел, но вопли тут же оборвались – оба амиота снова подошли к пленникам.

– Теперь верите? Этот звук смертельно опасен для нас, – пояснила непонятливому существу.

– Не то, – безразлично отмахнулся он.

– А в чем тогда смысл проверки? – попыталась выяснить его видение ситуации. Нужно же разобраться, чего ожидать от монстров, лишенных всякого сочувствия и здравого смысла.

– Определить, что значимо. Для Трои.

– Какого?... – задохнувшись от осознания истинной причины, оторопело уставилась на Седьмого.

Шантаж?! Манипулирование?! Ищет мои слабые стороны? Смехотворно! Я вся от пяток до макушки являю собой олицетворение слабости. В сравнении с такими, как он, –

особенно.

– Пусть Троя делает то, что мне надо, иначе все начнется снова.

Я сглотнула, отчетливо понимая: в этой игре у меня нет хороших карт. Но амиоту было мало приструнить меня, он решил внести уточнения: – Это пока.

– А потом? – глухо пробормотала, не понимая, к чему он клонит.

– Они – еда, – безэмоционально отозвался Седьмой.

Мои глаза мгновенно вернулись к паре чудом выживших – амиот подошел к ним вплотную со мной на руках. Ну конечно! Нашим пленителям скоро понадобится насытиться, а под рукой легкая добыча. И так беспросветно и тоскливо стало от этой истины, что я с переполнившей душу решимостью уставилась на Седьмого и попросила:

– Меня тогда тоже. Вместе со всеми... съешь. Одну не оставляй.

Нелепо просить о милости такого, как он. Но амиот прижал меня теснее, как бы давая понять: одна не останешься. И «успокоил»:

– Моя добыча.

– Вы все не в счет. Чем сойти с ума тут одной, лучше погибнуть. – Смерть, которую несли монстры, казалась быстрой, безболезненной и оттого более предпочтительной, чем местный убийственный ультразвук.

– Моя добыча не погибнет, – невообразимо буднично для

аварийно приземлившегося в неизвестный ад откликнулся Седьмой. Всмотрелся в мое лицо и сообщил: – Оставайся здесь. Жди. Я вернусь за тобой. Всегда.

Он усадил меня на небольшую кочку. Подошедшая парочка «сопровождающих» разместила рядом Игеря и второго пленника. Лица их были серыми – мужчины еще не пришли в себя после болевого шока. Но уже не кричали и не дергались в судорогах, очевидно, этому способствовали не отходящие от нас ни на шаг амиоты.

Седьмой ушел, оставив меня под их присмотром. Я же, устало притянув колени к подбородку, устала на спину «новорожденного» мужчины. Идеально скульптурную и словно кричащую о несокрушимости и мощи, пусть и обтянутую грязной водолазкой. Так странно было вдруг оказаться вдали от того, кто с маниакальной настойчивостью все последние дни полагал меня своей исключительной добычей. И защищал.

Странно и... тревожно.

Стоило это подумать, как амиот стремительно обернулся, пронзив пристальным взглядом. Как если бы и ему стало не по себе без меня...

Глава вторая

Познание

Кин

Отступив от своей добычи, ощутил пустоту. Непонятную, досадную, раздражающую. Нестерпимо хотелось вернуть утраченное. И от осознания временной вынужденной невозможности это сделать становилось...

«Тревожно...» – отзвуком моих мыслей откликнулся голос Трои.

Тревога? Страх и ожидание проблем? На них часто ссылались в своих поступках предназначенные нам в пищу. Подобного мы, эдайти, не знали. В мыслях Трои я улавливал малопонятные мне мотивы, стараясь вычленять для себя то, что служило предпосылкой к действию. Понимать ее было трудно, но возникший интерес к добыче мотивировал разобраться, а слышать женщину стало так же привычно, как и моих собратьев.

И не нужно оглядываться, чтобы убедиться: это ее мысли. Однако же я это сделал.

Чужаки, медленно приходя в себя, по-прежнему лежали на плотной подушке из местной растительности. Чуть в стороне – тела не перенесших посадки. Однако лишь Троя для меня выделялась из этой кучи утративших пользу матери-

альных, а мой интерес к ускользнувшей добыче заставлял бдительно контролировать ее состояние, не позволяя погибнуть тоже.

Видеть рядом с Троей других было неприятно. Хотелось увеличить разделяющее их расстояние, а еще лучше, чтобы эти пищевые запасы, выполнив свое предназначение, исчезли. Но столь же отчетливо я понимал, что подобный вариант нежелателен, раз моя добыча испытывает сильную потребность в продолжении их существования. Мало того, готова на многое, лишь бы это существование было безопасным и комфортным.

Реакция организма женщины на условия новой среды радикально отличалась от той, что была присуща моей оболочке: подобно другим пленным, едва герметичность скафандра нарушилась, она начала стремительно терять жизненный потенциал. Для нее местность оказалась опасной! Осознав угрозу, я сосредоточился на поиске причины и способе ее устранения.

Все оказалось просто, более того – соответствовало моим намерениям. Чтобы защитить Троию, надо держать ее при себе. И я с готовностью это принял: желание ощущать притягательную добычу рядом крепло день ото дня. Следующее, что требуется, – выяснить, повсеместна ли угроза для нее на этой планете. Это тоже согласовывалось с интересами эдаити: мы выясним, как тут все устроено. Пришло время осмотреться. Склизкая субстанция, покрывавшая низину, выпол-

нила свое назначение, частично амортизировав наше стремительное приземление, но не способствовала долгому существованию. И потому мы инстинктивно стремились покинуть место первого привала. Но прежде чем устроить первую вылазку и выяснить, что находится за равниной из топкой грязи, я проинструктировал эдаити, находившихся рядом с пленниками:

«Тас, Хем, не отходите дальше чем на два шага от добычи. – И лишь после этого, уверенный, что сделал все необходимое, и убежденный в бдительности собратьев, бросил еще один мысленный призыв: – Орш, Зом, Дин, Риз, Шог».

Все пятеро молниеносно оказались рядом и без лишних вопросов двинулись вместе со мной.

«Разделимся?» – предложил Орш.

В прежней жизни не знавшие сопротивления, мы и поодиночке полагали себя грозной неуязвимой силой. Потому логично было парами или тройками отправиться в сторону того, что с нынешнего местоположения казалось чем-то туманным и желтоватым. Ощущалась эта дымка как возвышение, следовательно, ее слагала более прочная материя, нежели жидкая грязь.

Однако горечь поражения заставляла задуматься над собственными возможностями без самоуверенности непобедимых. Вспомнились перешептывания Трои и надоедливого пленника, что управлял кораблем. Их эта планета ужасала, доводя до паники. Впрочем, в отношении таких, как они,

страхи оправдались. А чем грозил новый мир нам?

«Нет. Будем вместе. Идем к горам, которые ближе. И наблюдайте. Нам нужны знания об этом мире. Будьте внимательны к любым деталям и мелочам».

Факты – самое важное, что мы должны получить. Пусть тела нам достались удивительные в плане адаптационных способностей, но это не означает, что нужно игнорировать все и вся в новом для нас мире. Разрушение транспортника, вынужденная посадка, среда, сформированная условиями конкретной планеты... Мы пока не очень хорошо представляли, как все устроено в материальном существовании, что есть норма, а что – чрезвычайные обстоятельства. И потому фиксация и анализ – то, что поможет нам разобраться и освоиться.

Мы, эдайти, умеем учиться, набираемся опыта. И познание в этом смысле необычайно важно для эффективного существования. С момента пленения все для нас было неизвестным: сам факт материальности, законы, по которым существует вещественный мир, собственные возможности. Единственное, что осталось неизменным, – движение, лишённое чуждых эмоций, свойственных нашей пище. Извечное движение вперед: к цели, к насыщению, к покорению. Каждый шаг приводит к следующему, именно так понимают жизнь эдайти. С мига осознания себя в навязанной клетке я поступал, неизменно следуя этим принципам. Мы справились с телами, пробрили себе путь на свободу, избежали уни-

чтожения и, наконец, оказались здесь, перед лицом очередных задач. И все это осуществили, спокойно, шаг за шагом двигаясь к новым целям.

Не испытывая сомнений, мы ринулись напролом, пробиваясь сквозь топкую жижу. Продвигались быстро, сероватая гряда росла, искрясь множеством бликов в свете розового светила. Оболочки не подводили, с непошибаемостью тарана рассекая странную субстанцию. Вот только стоило подумать о возможностях тела, как возникло ощущение дискомфорта – неприятной тяжести внизу живота.

«Переполнен», – пришло сообщение Орша.

Потребности оболочки! И не о сытости предупреждает собрат – в прежней жизни я трактовал бы его мысль именно так. Сейчас он подразумевал то самое явление, когда наши новообретенные тела избавляются от отходов ранее потребленных ресурсов. Странная непрактичность и несовершенство материальных...

«И я», – подтвердил, соглашаясь.

От остальных эдаити пришли аналогичные импульсы. Дружно устремившись к небольшой более плотной кочке, мы выскочили на поверхность болота. Процесс выделения из тела лишней жидкости был неприятным. Потому, не размышляя, я сдернул с себя заскорузлые, черные от грязи поверхностные оболочки. Вот еще одна особенность материальных существ, которую трудно понять. Зачем на оболочки натягивать другие оболочки? К тому же менее функцио-

нальные и зачастую многослойные.

Избавившись от того, что звалось одеждой, почувствовал себя лучше. Теперь ничто не сковывало, а организм больше не сообщал о дискомфорте. Моему примеру последовали и собратья, прежде чем продолжить путь.

Поднявшись на взгорок, фактически достигли границы топкой равнины. Шаг, второй... Ступни уверенно касались твердой поверхности, свободной от грязной жижи.

Мы дружно замерли, осматриваясь, вслушиваясь и приносясь, тщательно анализируя сигналы, что посылала местность. Качество воздуха здесь было иным, болотные испарения ощущались слабее. Впрочем, для наших тел это не проблема – мембранная перегородка в ноздрях отлично отфильтровывала опасные газы. Но я знал, что Троя подобным похвастаться не может.

«Чувствую голод», – сообщил Зом.

Мы все начали ощущать его – продираться сквозь склизкую топь оказалось энергозатратно. Такие, как Троя, не выбрали бы... Почему я все примеряю к ней, равно как к собратьям?

«Попробуем выяснить, что подойдет в пищу», – озвучил общее намерение Орш, соскребая ладонью грязь, оставшуюся на его ногах, и приносясь.

«Не спешишь», – напомнил, что отныне мы уязвимы. Впрочем, сам тоже оценил питательную ценность болотной субстанции. Оболочка не воспринимала ее как питательную,

аппетит не пробудился.

Оглянувшись назад, где лишь наше сверхчеткое зрение могло рассмотреть темное размытое пятно, в которое превратился временный лагерь, я оторвал от ступней и отбросил в сторону несколько непонятных черных комочков – навязчиво прилипших к подошвам ног склизких жалящих сгустков. Проследил, как кожа, уплотнившаяся в местах контакта с ними, возвращает себе куда более удобную упругость. Все еще непривычными, но уже знакомыми и понятными в использовании зрительными органами осмотрел окружающее пространство, одновременно прислушиваясь и приносиваясь.

За время, пока мы сюда добирались, стало темнее. То из светил, что было мельче и сияло розовым цветом, почти скрылось за горизонтом. Чуткая ушная мембрана фиксировала пульсацию такого опасного для Трои ультразвука – я продолжал следить за ними на уровне рефлексов. Оттого и уловил изменения – колебания стали иными. Прерывистыми? Более редкими?

«Звук исчезает, – отозвался Орш. – Похоже, связан с излучением звезды, идущим сквозь атмосферу».

«Звезд здесь две: маленькая розоватая и большая голубая, – подхватил Зом. Его наблюдательность всегда была выше всяких похвал. И на этот раз он меня не разочаровал: — Когда мы приземлялись, планета была между ними. Значит, сейчас будет восход».

Мы повернулись спинами к приобретающему пурпурную окраску зареву. Противоположная ему сторона горизонта действительно посветлела и окрасилась в синеву. Однако ждать, пока голубое светило окажется в зоне видимости, не стали. У нас имелась более важная задача – найти место, куда сможет перебраться наша группа.

«*Что с Риш?*» – бросил вопрос Дин, шаг за шагом продвигаясь по возвышенности, предшествующей уходящей к небу гряде.

От породы веяло теплом, как если бы где-то в ее недрах имелась раскаленная сердцевина. Но вопреки логике, утверждающей, что тепло обещает комфортный ночлег моей уязвимой добыче, все органы чувств новообретенного тела реагировали на это место... странно. Каким-то дичайшим напряжением. Рецепторы вопили об угрозе. Собратья, тенями скользящие рядом, испытывали аналогичные ощущения – сознания каждого из нас были открыты друг другу.

«*И как себя ведут остальные эдаити из тех, кто еще не научился пользоваться оболочками?*» – дополнил я вопрос, заранее выясняя, готовы ли спасенные собратья к переходу на сушу.

«*Большой частью дезориентированы,* – отчитался Орш, пристально всматриваясь в пористое основание под ногами. То, что поначалу мы приняли за неживую горную породу, при ближайшем рассмотрении оказалось окаменелой материей. Возможно, некогда живой? – *Риш, в сравнении*

с остальными, в достаточной степени пришел в себя. – Мысль Орша вдруг оборвалась и вернулась уже с оттенком смирения: – *Вернее, пришла...*»

Я его понимал. Трудно перестроить привычное восприятие и начать разделять тех, кого раньше считал такими же, как сам. Мало того, еще и начать воспринимать их иначе!

«Как он принял... свою оболочку?»

Присев на корточки, приложил ладонь к теплой поверхности под ногами. Сигналы тела я уже научился понимать: оболочку манило тепло и то, что оно обещало, – негу, расслабленность, сытость... Стоп! Почему оно ассоциируется с пищей? От собратьев, повторивших мой маневр, фонило такой же настороженностью.

«Для Риша она не более странная, чем для нас поначалу были эти, – логично объяснил Орш. – Важнее то, как тела реагируют на противоположный тип оболочек».

«Они не уgomонились?» – Я экранировал вопрос от Риза и Шоха, задав его исключительно Оршу. За всей суетой с реакцией пленников на ультразвук не уделил внимания этой проблеме.

«Нет. По-прежнему стараются держаться поблизости от Риш. А уровень агрессии в его... ее присутствии очень нестабилен – любая мелочь тут же провоцирует неконтролируемый всплеск».

«Как будем с этим разбираться?»

Секундная задумчивая пауза, и Орш спокойно выдал:

«Твоя добыча. Ее инструкции помогли. Она продолжит помогать?»

Сейчас подобное могло привести к риску для Трои – мне оказалось непросто принять это, позволив ей какие-то действия вне моего присутствия, но игнорировать интересы эдайти я не мог.

«Да», – мне, привыкшему принимать решения молниеносно и без сомнений, ответ дался сложно.

«Чувствуете аромат?» – вклинился в наш диалог Зом. – *«Это что-то подходящее в пищу?»*

Сейчас, когда он сконцентрировал на этом наше внимание, чувство голода захлестнуло с новой силой. Словно в недрах оболочки образовалась дыра, в которую со свистом устремилось все нутро. Сосушее и одновременно изнуряющее ощущение. Я такого не испытывал даже в момент побега со станции, когда вычерпывал все свои силы!

«Очень притягательное, – выразил охватившие нас общие ощущения Орш. – *Невыносимо тянет...»*

Мы переглянулись: неспроста и наверняка опасно.

Перегруппировка стала инстинктивным решением. Молниеносно мы расположились максимально удобно – достаточно близко, чтобы поддержать на случай неведомой угрозы, но так, чтобы не перекрывать обзор и не мешать.

«Сдерживаемся», – чуть ли не захлебываясь ощущением какой-то запредельной жажды, я целенаправленно блокировал в своем сознании все сигналы явно ошалевшей оболоч-

ки: ее практически сводило судорогами от слабости и лютой потребности насытиться.

Прищуриваясь, чтобы не быть ослепленным отражением лучей местного светила, я заметил, как содрогаются тела спутников. Еще несколько минут назад голод был, но не такой дикий. Что поразительно, даже оболочки собратьев начинали казаться... вкусными.

«Неведомое... – с трудом выдавил Хал, подобно всем нам борющийся с неожиданными потребностями. – Кажется, навязанное».

«Определенно внушенное», – словно выплюнул Орш.

Попытка заставить нас проявить слабость, подчинить, поработить... Это стало вызовом.

«Что-то, действующее на оболочку, – дополнил наблюдения Зом. – Искажающее восприятие реальности. Я вас жрать готов».

Усилием сознания я постарался вернуть контроль над телом, обуреваемым инстинктом голода, абстрагировался от зова, обещающего насыщение и блаженное довольство. Сущность эдайти твердила: если так толкают идти вперед – следует остановиться. Не сбежать, спасаясь от угрозы, но осмыслить ее. А уже потом...

Мир эдайти таков: нет ничего беспощаднее нас самих. И это не может измениться с появлением тел. Иначе мы проиграем, став рабами оболочек подобно всем материальным существам.

Умиротворяющая тишина, ослепляющее сияние голубоватого света, льющегося с неба и отражающегося от мириадов крошечных вкраплений в пористой породе, до которой мы добрались. Взгляд запечатлевал одну картинку за другой: причудливые контуры материи, на которой мы стояли, ее уходящие ввысь пласты; тени наших тел, замерших в напряжении невидимой борьбы с самими собой; полное отсутствие чего-то похожего на растительность. Лишь голый плотный остов окаменелой породы под ногами.

Это точно было что-то разросшееся и, вероятно, погибшее когда-то очень давно. При жизни оно тянулось вверх и вширь, оплетало все, встреченное на пути, в итоге стало горами. Отсюда и округлые впадины, которыми изобиловала порода, – разной глубины провалы размером от шлема скафандра Трои до дверного проема звездолета, способного вместить и наши немаленькие тела.

«Войдем?»

Едва до меня дошла мысль совладавшего с собой Орша, как оформилась и собственная догадка – притягательная потребность толкает именно к этому! Приглашает проскользнуть в одно из отверстий.

«Должны, иначе не разберемся», – согласился с собратом. Все опасное в этом мире, так или иначе, будет вынуждено признать, что опаснее нас оно быть не может. – Я выясню».

Перехватив друг друга за руки, образовали живую цепь, звенья которой были крепки настолько, насколько незыбле-

ма сама сущность эдайти, не признававших поражения и не знавших слабостей. Но это не означало, что мы безрассудны: сейчас я был насторожен и доверял собратям, готовым выдернуть меня назад. Чтобы вновь вернуться и взглянуть в лицо неведомой угрозе!

Аромат, обещающий насыщение, по-прежнему манил, сияние усиливалось. Прочность материи под легчайшими излучающими прикосновениями руки говорила о незыблемости и долговечности этого пути. Все вокруг подталкивало рухнуть в недра ближайшего зева, окунуться в его темное тепло – все мы чувствовали жар, идущий от каждого из отверстий.

Чтобы найти путь – надо идти вперед. Я шагнул, чуждый страху, но ведомый извечной потребностью открыть для себя и поглотить нечто большее. Одна рука, готовая принять на себя первый удар неведомого, чуть выдвинута вперед, прикрывая лицо, вторая отведена назад и в надежном захвате сцеплена с рукой собрата.

Меры предосторожности. Раньше, в моем прежнем облике, они были бы лишними. Теперь же, несмотря на прочность тела, оказались решающими в борьбе за знания и пищу.

Полость, в которую я проник, была сумрачной. Однако чувствительным глазам оболочки света хватало, чтобы рассмотреть пористые серые стены, покрытые неровными буграми и выростами. Один из них был просто гигантским. Выше моего роста, в два раза толще. С его вершины свисали перевитые красные жгуты толщиной с мою руку. А на кон-

це каждого из них красовался раздутый нарост, источающий тот умопомрачительный аромат, что едва не свел нас с ума. Здесь запах был настолько силен, что просачивался даже через преграду, закрывающую ноздри.

Я торопливо сглотнул жидкость, мгновенно наполнившую рот. Осознав, что свободная рука помимо воли тянется к ближайшему наросту-пузырю, напряг мышцы, возвращая контроль над телом.

Если это образование съедобно – раз уж оно так изумительно пахнет, то одного нам будет недостаточно. К тому же оно наверняка защищено. Привычным «взглядом» прежнего эдайти я воспринимал опасность, силой сознания распознав напряжение энергии, скопившейся в жгутах, готовых схлестнуться и не позволить мне забрать желаемое.

Порождение материального мира создало ловушку. Идеальную, чтобы получить столь нужную ей органику. Но ведь и мне нужна пища... Нам, эдайти, нужна.

Резкий выпад. Захват у верхушки нароста сразу нескольких ветвей-жгутов, моментально и предсказуемо обвивших мою руку от запястья до плеча. Сущность эдайти, маревом метнувшаяся к основанию «ствола» и вытягивающая из него жизненную энергию, – члены подвластного мне физического тела и сокрытая в нем нематериальная сила действовали синхронно и стремительно.

Упор ногами, очередной рывок, отрывающий мясистые пузыри вместе с ветками. *«Тацитть!»* – одновременный при-

каз собратьям. В неизбежном противостоянии с местным «хищником» я рассчитывал и на поддержку своих спутников.

Голубой свет ослепил, тело стремительно вырвалось на поверхность, покинув углубление-ловушку. Я с трудом оторвал от кожи присосавшиеся к ней жгуты, предназначением которых было разрушать и поглощать мою плоть. Вряд ли им прежде встречалась настолько неподдающаяся материя. Но и сейчас они пульсировали в отчаянном стремлении выполнить свое предназначение – насытить голодное существо, содрогающееся от боли и ярости под нашими ногами. Только теперь мы с ним поменялись местами.

Не обращая внимания на вибрацию и тряску, каждый из эдаити, освобождая мою оболочку, оторвал себе по круглому наросту и впился зубами в мягкую кожу.

На вкус они оказались такими же потрясающими, как и их одуряющий запах. Сочная мякоть отлично утоляла голод, восполняя запас энергии. Я глотал ее огромными кусками, почти не разжевывая.

«Здесь можно будет брать еду. Когда понадобится», – сообщил собратьям. Реакция приманившего нас суперхищника – вовсе не мертвого, а очень даже живого! – была ощутимой, но прямой угрозы не несла. Он явно сросся с поверхностью планеты, лишившись подвижности. И тех, кто мог нанести ему ущерб, противостоя воздействию, прежде здесь не было. До того, как появились мы...

«Я тоже хочу попробовать!» – неожиданно решился Орш. – *Любопытно, они все устроены одинаково?»* Несомненно, он имел в виду полости в пористой структуре горного образования – разные и по размерам, и по форме.

Его интерес разделяли и мы. Поэтому, страхуя друг друга около мелких и помогая у крупных, принялись за осмотр сразу нескольких углублений.

Неглубокие ямы оказались бесполезными – шары-приманки там отсутствовали, а несущие их выросты только-только зарождались. Стало понятно: чем больше углубление, тем более значимой будет добыча.

Но и тут нашлись исключения. Кое-где в лопнувших шарах красная и упругая питательная масса была иной – желто-зеленой, похожей на болотную жижу внешне и имеющей такой же запах. Ее наши организмы тут же отвергли в точности как первую пищу в лаборатории. Вывод напрашивался элементарный – это несъедобно. Впрочем, годных к употреблению шаров было больше, и мы не успокоились, пока каждый не попробовал себя в роли добытчика.

«Как же жарко...»

Мысль, пришедшая извне, не была «голосом» кого-то из эдайти.

Троя!

До этого момента я лишь фиксировал в сознании факт ее активности: не ощущал паники или страха – этого было достаточно. Сосредоточиваться на диалоге, что она вела с дру-

гими пленниками, возможности не было. Но сейчас что-то изменилось!

Застыв, сконцентрировался на ощущениях своей добычи. Тот факт, что Троя находилась далеко, заставлял задуматься о возвращении. При одной мысли о неведомой опасности для нее хотелось стремительно кинуться назад.

«Аккумуляторы скафандра скоро сдохнут... – донеслась очередная ее мысль, отягощенная усталостью. – Система вентилирования начинает сбоить».

«Кин! – Орш коснулся моего плеча, непривычно привлекая внимание физическим контактом. Это я, внутренней сутью обратившись к Трое, на мгновение оглох, перестав воспринимать сигналы собратьев. – Как поступим дальше? Поведем всех сюда?»

Предупреждающе подняв ладонь, дал понять Оршу, что необходимо подождать с решением. Моя сущность сейчас была далеко – рядом с одним из эдайти, что находился в числе окружавших мою добычу соплеменников.

«Рух! Как эженщина?»

«Температура ее тела растет. Как и других пленников», – пришел ответ, подтвердивший мои наблюдения. А если добавить к перегреву ядовитые испарения, от которых Трою пока защищает скафандр...

«Возвращаемся, – переключился я на спутников, спокойно ожидавших решения. – Нужно покинуть болото. Мы должны поспешить назад с максимальной скоростью».

«Переместим всех в это место?»

Оглянувшись на сияющую отражением сверкающих бликов гору, которая точно была чем-то живым и опасным, я вспомнил чувство голода, вызванное ее влиянием. Мы с ним едва справились, а Троя? Это воздействие поработит мою добычу. Да и собратьям, еще не подчинившим свои оболочки, придется трудно.

«Нет, – ответ был очевиден. Взгляд сместился в сторону, оценив местность. – Мы выяснили, что сможем добыть здесь пищу. Но расположимся чуть в стороне, – подумав, кивнул в направлении растительного массива, начинающегося слева от горы. *– Между лесом и этим местом».*

«Кто-то из нас встанет на страже, – дополнил план Орш. *– Так не допустим, чтобы других одурманило голодом и привело в ловушку этого... существа».*

Мы разговаривали уже на бегу, на максимальной скорости устремившись обратно. Путь от горы до топкой низины, где прежде продвигались с осторожностью, а потому медленно, промелькнул мгновенно. Неумолимым клином врезавшись в склизкую болотную грязь, с наименьшей решимостью мы принялись рассекать телами пространство, уже зная, чего ожидать: сознание еще на подходе послало нужный сигнал телу, трансформируя и укрепляя его покровы.

Наши мысли были открыты всем эдайти, позволяя им перенять знания и опыт, чтобы начать готовиться к преодолению преграды. Сегодня же состоится общий переход на су-

шу. Наша задача – перенести на равнину за болотом не только тех, кто слабее, но и захваченные ресурсы с корабля.

С обретением материальности мы получили и массу неудобных дополнений. Потребность во сне – одна из них. И если с пропитанием хотя бы на пару дней разобраться удалось, то организация места для ночлега еще предстоит.

«Это существо огромное!» – Орш вложил в наши мысли инфракрасный слепок местности, где гигантским бесформенным, уходящим ввысь пятном отображалось то, с чем мы недавно столкнулись.

И да, ядро, или сердцевина, глубоко под поверхностью земли было эпицентром жара – живой материей. Но чем дальше ороговевшие до окаменелости наросты находились от этого нутра, выходя на поверхность, тем более холодными они ощущались. Так мы и чувствовали ранее, продвигаясь по омертвевшим поверхностям инопланетного гиганта. Пористая порода под ногами была ощутимо теплее земли именно в предгории.

«И оно не единственное», – подобно Оршу, я силился охватить пространство мысленной сканирующей волной, распространяя ее так далеко, насколько хватало сил. По примеру собрата, отринув все пока малопонятное, сосредоточился на восприятии инфракрасного спектра. И такие пышущие жаром пятна-наросты зафиксировал еще в нескольких местах.

«Но все же они довольно редки, рассредоточены по пери-

метру болота, – сделал вывод Зом. – Видимо, каждому из них нужно пространство для охоты».

Это было понятно нам, по сути тоже являвшимся хищниками. Пусть существо не обладало подвижностью, но привлекало добычу со всей округи, имея свой личный ареал.

«Возможно, местную живность притягивает не только запах, но и тепло? Я чувствовал присутствие носителей энергии в округе, пока мы подбиралась к скальнику. Они ищут в нем защиту и лишь потом попадают под влияние жажды голода? Прямо в ловушки-пасти этого существа».

«Главное, чтобы никто из нас там не оказался», – пришла мысль от Тора, одного из тех эдайти, что остались на болоте и сейчас внимательно прислушивались к разговору. Что не мешало им сортировать спасенные с корабля ресурсы, готовясь к их транспортировке через топь.

«Болото тоже обитаемо, – передал свои наблюдения Зом. – Такие мелкие комки. Слизь...»

Он запнулся, не найдя подходящего слова, просто кинув нам образ тех самых жалящих сгустков, что мы сдирали с тел, выбравшись на сушу.

«Медузы!» – вдруг нашелся я с подходящим названием. Это слово и его образ когда-то проскальзывали в мыслях Трои.

«Думаю, выделения медуз способны растворять белковую плоть, делая пригодной для их питания», – принял название собрат.

Еще одно наблюдение, приоткрывающее для нас завесу неизвестного мира. Завесу, что мы, несомненно, сорвем полностью.

Мой взгляд скользнул к белесому небу. Если ориентироваться по движению голубоватого светила, то мы потратили на вылазку почти половину светлого периода. На сколько рассчитаны накопители энергии в скафандре Трои? Ее медленно, но верно перегревающееся тело я неизменно продолжал ощущать.

«Женщину спрячь в тень, – подразумеваемая тень от контейнера, послал мысль Руху. – Но не отходи от нее дальше, чем на два шага!»

«Как Риш? – неожиданно последовав моему примеру, задал похожий вопрос Орш. И, словно сам от себя не ожидая, добавил: — В каком состоянии те, кого мы забрали из лаборатории перед побегом?»

Мы в этот момент брели, погруженные в мутную жижу почти по грудь, поэтому я заметил, что соратник глаз не сводит с приближающегося островка, где расположилась вся наша группа. Собственно, я и сам так поступал, стремясь как можно скорее убедиться, что моя добыча не слишком сильно пострадала от перегрева.

«Все использовали время, чтобы научиться взаимодействовать с оболочками, – услышали лаконичный ответ Руха. – У большинства значительные успехи».

«Кхм... – Орш на миг замялся. – Это хорошая новость.»

Чем скорее они будут самостоятельны, тем быстрее мы сможем все здесь исследовать».

«Риш уже справляется, – пришла более конкретная информация. – Даже пробует растаскивать предназначенные для переноски ресурсы. – Собрат тоже мысленно запнулся и исправился: – Пробовала...»

Да-а-а... Нам сложно осознать такие перемены. Разнополюе оболочки... Что же сотворили с нами эти ученые?

«Мы должны уделить этому большие внимания, – озвучил общий вывод Зом. – И разобраться, на что влияют различия. Возможно, женские оболочки слабее и уязвимее?»

А я снова подумал о Трое. Ее взаимоотношения с другими надзирателями меня мало интересовали, но наблюдения позволяли предположить: женских особей оберегали. В спарринге с нами ни одна из них не участвовала. За единственным исключением – я ни разу не замечал Трою и среди тех, кто охранял наши клетки. Да и вообще женщин на станции было несоизмеримо меньше!

Запоздалая догадка, сделанная на основе ощущений прошлого, заставила меня остановиться. Обогнавшие собратья оглянулись, вновь используя зрение для оценки моего состояния и поиска причины задержки.

«А что, если их в принципе очень мало? Таких биполярных особей. Возможно, они ценные? Примерно как наши энереллы?» – поделился мыслями со всеми эдайти.

«Энереллы восстанавливают поврежденную структу-

ру. – Рух задумался и напомнил о существовавших в нашем прошлом мире различиях между особями. Да, эдаити тоже имели некоторую дифференцированность, но мы начали подозревать, что у материальных обитателей этого мира принцип разделения иной. – *А эти... Вроде ничего такого не умеют. Скорее, даже сами несколько уязвимее. В чем тогда их ценность?»*

Мы с Оршем переглянулись, силясь вспомнить и осмыслить сказанное по этому поводу Троей на транспортнике. Впрочем, она же не сообщила чего-то конкретного. Или понятного. Термин «размножение», который применила моя добыча, оставался бессмысленным набором звуков.

«Как выберемся из болота, спросим у пленников», – принял я единственно возможное решение. Только у материальных созданий мы сможем выяснить причины, побудившие ученых поместить нас в биполярные оболочки.

«Собратья... – внезапно, грубоватым треском врываясь в наш мысленный диалог, пришла немного заторможенная, но уже вполне оформленная мысль Риша. И прозвучала она так «своевременно», что мы дружно смолкли. – Чего все вдруг на меня уставились? И хватит молчать! Хоть что-нибудь ответьте. Я же сказал: уже в порядке, понял, как конечности переставляют, и ящик этот в состоянии дотащить. Вес-то никакой. Почему сомневаетесь во мне? Риш никогда не был слабаком!»

«О-о-о...» – В мысленном восприятии эмоциональные от-

тенки несколько приглушаются, но мне показалось, что Орш смутился.

«Риш, слышишь меня?» – мысленно позвал, стараясь переключить на себя внимание первого ворчуна нашей группы.

«Что за ерунда с этой оболочкой? К чему эти мягкие штуки, что болтаются спереди? И тянут к земле... Неудобно. Как все странно с этими телами... Остальные быстро освоились, а я все спотыкаюсь! И почему они постоянно молчат?!»

Не дойдя совсем немного до островка, мы вновь застыли. Догадка накрыла всех одновременно – не слышит. Он лишился нашего привычного способа общения!

«Риш!» – не выдержав, мысленно завопил Риз.

«Риш?! – одновременно крикнул Шох. – *Ты не слышишь нас?»*

Орш дернулся и, продемонстрировав поразившую даже нас скорость, выскочил на место стоянки. Миг – и он уже стоит возле Риша, таскающего какие-то куски обшивки.

– Ты оглох? – рявкнул, используя голосовой аппарат организма, опешившему от неожиданности эдайти – первому, получившему странное женское тело.

При этом он основательно потряхнул Риша за плечи. Тот пошатнулся.

Эта реакция заставила Риза и Шоха кинуться на Орша. Оба, забыв обо всем, явно утратив контроль над собой, смазанными тенями метнулись к моему первому соратнику. А

он, вместо того чтобы урезонить, отшвырнул их с такой силой, что противники по широкой дуге спикировали в болотную топь и плюхнулись на ощутимом расстоянии от островка.

«*Что происходит?!*» – Мы все услышали растерянную мысль Риша. Обретя устойчивость, он оглянулся на приводившихся защитников и заорал, используя голос:

– Орш, ты чего творишь?

«*Мы его слышим, он нас – нет*», – бросил я остальным, выскакивая на островок в готовности пресечь намечающуюся схватку.

Быстрый взгляд на Троию подтвердил: она заметила проблему. Пусть тяжело, но приподнялась с места, где полулежала, привалившись к контейнеру. И тут же меня накрыло – с Риш все так же, как с Троей! Я ее мысли слышу, она мои – нет! Случайность? Или еще одна прямая взаимосвязь с женскими оболочками?

– Риш, спокойно! – Я вклинился между Оршем и его недоумевающим «подопечным». – Контролируй поведение. Иначе они передерутся.

– А что не так? Что я сделал?

– Если Ризу и Шоху кажется, что тебе больно или грозит опасность, они впадают в ярость, – пояснил и в очередной раз запнулся. Снова как в случае со мной и Троей! Угрожай ей кто-то из братьев, разве я не поступил бы подобно Оршу? Проблемы нет лишь потому, что она никому не инте-

ресна, эдайти просто приняли факт, что Троя – моя добыча, а значит, и моя зона ответственности.

– Разве Орш мне угрожал? – Риш уставился на мрачную физиономию давнего знакомца – мы трое были из первой волны экспансии в физический мир.

– Он просто хотел кое-что выяснить у тебя, но действовал излишне резко.

Высказывать догадку, что поведение Орша сейчас ненормально, посчитал неуместным. Заняться этим можно позже. А еще лучше – предоставить разобраться во всем ему самому.

– Что именно? – Риш успокоился и теперь с интересом смотрел на выбравшихся из болота Риза и Шоха, которых тут же перехватили другие эдайти, позволяя нам завершить разговор.

– Почему-то у тебя отсутствует привычная связь эдайти. При этом все мы твои мысли слышим.

– Я не могу принимать ваши сигналы? То есть вы не молчали?.. – потрясенно выдохнул Риш, только сейчас понимая причину резкости Орша. И задумчиво умолк, прислушиваясь. – А ведь действительно, я слышу только этими... ушами.

Он сжал руками выросты на голове и потянул в стороны, словно желая избавиться.

– Риш, спокойно! – я повысил голос, не позволяя совершить необдуманное действие. – Мы со всем разберемся. Главное – выжили!

Ноги новообретенной оболочки Риша задрожали, тело неловко и грузно осело в грязное месиво под ногами. Я заметил оборванное движение Орша, как если бы он неосознанно дернулся на помощь, но остановил сам себя, едва осмыслив намерение.

Риз и Шох тоже рванулись, пробивая блокаду тел, в которые были заключены эдайти. Но, оказавшись рядом с Ришем, неловко застыли, топчась на месте и не решаясь дотронуться. Всех останавливало выражение лица его оболочки. Вот еще одна новинка нашей отныне материальной жизни – возможность определять настроение и состояние собрата по его мимике. И она сейчас трактовалась однозначно – Риш был зол.

– Я таким и останусь? Неполноценным? – не пытаюсь встать, лишь подняв на меня взгляд. И в нем отчетливо читалось: неполноценным даже на общем фоне всех нас, отныне ущербных в сравнении с прежними эдайти.

Орш, тяжело вздохнув, резко отвернулся и отошел в сторону.

– Возможно, это временно, а возможно – нет, – честно ответил я. – Помимо тебя есть другие братья, заточенные в женские оболочки. Когда получится разобраться, кто в них, пронаблюдать процесс их свыкания с телами, появится больше информации.

Среди нас не принято скрывать правду – никто не принял бы подобного к себе снисхождения.

«Просто скажи ему, чтобы не вздумал сдаваться, – пришла надрывная мысль Орша. – Риш, тот Риш, которого все мы знали, ничего не страшился. Его нельзя победить этим! Пусть он не позволит этой странной оболочке и даже проявившейся глухоте стать его слабостью. Пусть станет сильнее вопреки всему!»

«Сам и скажи, – потребовал я. Орш и Риш еще с той, уже прошлой, жизни в мире эдайти всегда были поддержкой друг другу, братьями, слепо полагавшимися один на другого. – Никто из нас не представляет, чем обернутся перемены в существовании. Надо быть готовыми ко всему. И перестать реагировать... остро. – Последнюю мысль сопроводил предупреждающим взглядом в сторону нависших над Ришем Шоха и Риза, недовольно косящихся друг на друга. – Хватит создавать проблемы! – хлестко шикнул на них. – Это лишь начало, прежней наша жизнь уже не будет. Примите как факт и сосредоточьтесь на том, что принесет реальную пользу. Всем нам. И Ришу тоже. Побег мало что изменил. – Я обвел взглядом застывших в неподвижности собратьев, прислушивавшихся к моим словам. – Мы еще не освоились окончательно в этом мире. Поэтому сосредоточимся на том, чтобы стать сильнее, Орш прав. Что до потери самоконтроля... – снова перевел взгляд на смутьянов. – Если продолжите в том же духе, то поставите под угрозу всех нас. Это недопустимо и... – задумался, принимая решение, – повлечет наказание. Уясните!»

– Тро, – с тяжелым сопением зашептал Игерь, напоминая мне, что моя добыча не единственная среди пленников находится в сознании и слышит наш разговор. По крайней мере словесную его часть. – Они ссорятся? Может, поубивают друг друга, наконец?

Штурман точно был в лучшей форме, чем моя добыча!

– Слышно плохо. Но по позам похоже на ссору... Да мне плевать, – непривычно сипло прошептала в ответ Троя. – Сдохну сейчас... Жарко, а забрало поднять боюсь. Кто знает, зачем он его опять опустил?..

То, что пленники считали тихим шепотом, переданным по голосовой связи между скафандрами, для чуткого слуха наших более совершенных оболочек было подобно громогласному крику. Каждый эдайти в этом мире отчетливо слышал малейший звук их переговоров.

«Все разговоры с использованием функций тела вести максимально тихо, – немедленно предупредил я, торопясь заняться Троей. – Шох, чуть позже донеси эту мысль и до Риша. И не топчитесь возле него! Используйте частоты, которые наши пленники почти не воспринимают. Не стоит им знать о нас много».

– У тебя температурный регулятор поврежден, – пыхтел Игерь одновременно с моим обращением к эдайти. – Тро, ты все же сними шлем, пока сознание не потеряла. Эти звери не подумают первую помощь оказать. Скорее наоборот, сожрут. Вон те двое стерегут, ни на шаг не отходят...

Раздражающий механик был живее всех живых! И у него, судя по всему, со скафандром был полный порядок! По крайней мере перегрева, как у Трои, я не ощущал.

– Соберись и займись делом, – вслух, но едва слышно обратился к Ришу. – Наша цель – выбраться из болота. Не становись обузой.

Говорил быстро, уверенный, что все сосредоточатся на самом первоочередном, и устремился к своей добыче. Женщина продержалась до моего возвращения, но дольше испытывать ее организм на прочность я не желал – понимал, что не выдержит. А потерять ее был не готов.

– Хорошо, что их обучили всеобщему, а не языку какой-то конкретной расы, – продолжал возбужденно шептать Игерь. – Хотя бы сможем узнать что-то полезное!

Неудержимый болтун! Даже такая встряска, как авария транспортника, его не изменила.

– Не знаю... – едва слышное бормотание заставило меня напрячься. – Чем это по...

Кивнув Руху, позволяя ему отойти от пленников и заняться помощью начавшим переход через болото соратникам, я стремительным касанием снес шлем с головы Игеря.

– А-а-а! – заорал штурман, дернувшись от испуга. Верно, решил, что «звери» пришли его есть. Но у меня были иные планы.

Один, два, три... Выждав и убедившись, что судорожные глотки местного воздуха не причинили вреда мужчине, я ак-

куратно стянул шлем и с головы Трои. Перехватив ее податливое тело, устроил так, что голова женщины оказалась на моем плече. Одну ладонь приложил к щеке, ощущая явственный жар. И попытался сделать то, что задумал еще на пути к островку: заставил температуру своего тела измениться, существенно понизив ее.

– Н-не надо. Не убив-в-вайте ее... – запинаясь и в ужасе уставившись на меня, предположил худшее штурман.

– Сдвинешься с места – умрешь, – снизошел до лаконичного ответа, чувствуя, как волны прохлады от моей руки растекаются по телу Трои. – Откроешь рот, когда не надо, – умрешь.

Поперхнувшись и немедленно умолкнув, мужчина впился в меня ненавидящим взглядом.

«Этого, – мысленно указал на Игеря ближайшему собрату, – и второго пленника захватите. Надо их тоже перенести».

Другой мужчина по ощущениям все еще был без сознания. Впрочем, это и к лучшему – достаточно с нас болтовни суетливого механика.

– Ты? – Троя открыла глаза, уставившись на меня. Я чувствовал, что температура ее тела начала приближаться к норме. – Вернулся?..

«Как и обещал», – поймал проскользнувшую мысль. А с ней и удивление, сменившее неверие.

Она во мне сомневалась? Я ощутил неудовольствие: пре-

дупреждал же – всегда буду возвращаться. Почему эта странная женщина не доверяет моим словам?

«Кин, останешься дожидаться тех, кто придет за второй частью ресурсов? – отвлек от размышлений вопрос Руха. – Первая группа уже добралась до середины болота. В ней идут Орш и Риш».

Я невольно кивнул, реакцией тела подтверждая услышанное. Хорошо. Орш направит всех к нужному месту, упредив столкновение с подавляющим влиянием хищного гиганта. Окинув взглядом небольшой островок, наше первое пристанище в этом мире, уверенно откликнулся:

«Нет. Забираю свою добычу, смогу унести еще что-то из оставленного и ухожу».

Пришла пора двигаться дальше – к новой цели эдайти, сумевших вырваться из смертельного плена.

Глава третья

Переход

Троя

Хлюп-хлюп... Чавк-чавк... Хлюп...

Мерные звуки, рождающиеся под ногами бредущего сквозь болото амиота, меня одновременно радовали и тревожили. Радовали – потому что это был практически единственный источник шума в давящей тишине раскинувшегося вокруг болота. Тревожили – из-за того, что Седьмой по колено, а иногда и по бедра проваливался в топь.

Воняло нестерпимо. С момента, как он стянул ненавистный уже шлем, а я наконец-то сделав первые глотки местного воздуха, почувствовала прохладу и – адову вонь, от которой начали слезиться глаза и засвербело в пересохшем горле.

Обессиленная, давясь источаемым болотом смрадом, я болталась на плече Седьмого, то щурясь из-за страха ослепнуть от капель гнилой жижи, что в изобилии разлетались от рассекающего топь амиота, то судорожно сглатывая комки грозящего выплеснуться наружу содержимого желудка. Но готова была терпеть любые неудобства, несравнимые с вызванной тем кошмарным звуком мукой, что я испытала, очнувшись на этой планете.

Взгляд вновь и вновь возвращался к чернеющей мутными

разводами, пугающей жиже. Нечто похожее имелось на Земле, хоть и отличалось в деталях. И мои знания подсказывали: сама я не отважилась бы сунуться в это гиблое место. А амиоты о подобном не тревожились...

Как Седьмой вообще движется в этой вязкой топи, которая наверняка затягивает в себя не хуже земной трясины?! Идет размеренно, дышит ровно, при этом на себе тащит немалых размеров контейнер и придерживает меня.

Лежать, то есть свисать с мужского плеча, было не слишком комфортно. Оно, конечно, широкое, и ноги мои Седьмой обхватил своей немалой лапищей, чтобы не свалилась. Но никак не получалось пристроить куда-то руки. Держать на весу, силясь прикрыть ими лицо, сил не хватало. Оставить безвольно болтаться, по локоть проваливаясь в грязь, было жутко – не покидало ощущение, что там, под темной пеленой, притаилось что-то невидимое, но страшное! Вопьется в пальцы и... Отринув сомнения, попробовала обхватить руками торс мужчины, удобно разместив их на покато́й спине, но... Бугрящиеся мышцы его обнаженного тела постоянно были в движении, и скользкие от грязи руки срывались, лишая меня опоры. Всякий раз пугалась, что лишь мешаю Седьмому своим ерзаньем, и не сразу решалась вновь обхватить его. Болото есть болото. Топь. Трясина. Отвлеку, оступится и...

Представив страшную перспективу, зажмурилась. Погибнуть, захлебнувшись гнилой грязью... От одной мысли

стало тяжело дышать.

– Я все контролирую. Трое не о чем беспокоиться.

Безэмоциональный голос, такой же спокойный и ровный, как и дыхание мужчины. Никакого напряжения и признаков усталости. И это учитывая, что он уже в третий раз пересекает болото! Вновь осознав собственную немощность в сравнении с ним, я инстинктивно вздрогнула. Облегчения не добавила и его способность читать мои мысли.

Силясь переключиться на что-то, не связанное с амиотом, я невольно прогнулась, приподнимая голову и отыскивая глазами ставшее почти незаметным желтоватое пятно относительно плотного, чуть возвышающегося среди бескрайнего болота участка суши, который мы покинули.

Дым от горящих останков транспортника окончательно растворился в белесом небе, а сам корабль, доставивший нас сюда, полностью исчез в мутной топи. И если в розовых сумерках болото казалось мрачным и неживым, то сейчас, в более ярком голубом свете, ожило. Оно нагрелось и стало парить, насыщая воздух душной влагой. С его поверхности срывались, устремляясь ввысь, плотные белые пузырьки, образуя сгустки туманной взвеси. Вслед за ними, подобно юрким насекомым, из болотных недр будто выпрыгивали серые кляксы-мушки, охотившиеся за каплями. Поймав, падали обратно, беззвучно шлепая по вязкой топи.

И все это в абсолютной тишине, вызывая у меня лишь слепоту от мельтешащего перед глазами туманного роя. Един-

ственными звуками были чавканья, с которыми трясина неохотно отпускала ноги идущих по ней амиотов, и мое тяжелое дыхание.

Седьмой неумолимо форсировал трясину, используя тело на манер тарана. Следом пробирались его спутники, по пояс проваливаясь в грязь. Они с той же легкостью тащили на себе груз. Контейнеры, какие-то непонятные тюки, не способных самостоятельно передвигаться себе подобных – видимо, тех, кто до сих пор не освоился с телами.

Перекинутые через плечо одного из амиотов, в той же позе, что и я, болтались Игерь и мужчина, имя которого я так и не узнала. Еще один из выживших пленников – он хоть и пришел в себя, но сознание его оставалось спутанным.

Сглотнула наполнившую рот обильную слюну, мысли вдруг утратили четкость. В растерянности испугалась, осознав – не помню, о чем только что размышляла!

Неведомая цель, к которой стремились амиоты? Куда несет меня Седьмой? Об этом, да? Или о надежде, что путь скоро завершится, а место, в котором мы окажемся, не станет причиной нашей гибели?

Почему я не помню? Снова сглотнула, едва не захлебываясь от нестерпимой потребности насытиться. Там можно будет поесть?

Вот оно! То, что взбудоражило, захватив все мысли и ощущения, отодвинув на задний план... Что? Я и этого не могла сообразить. Лишь вновь и вновь сглатывала слюну, умирая

от вожделения, дурея от желания испытать столь знакомое ощущение вкуса...

Жареного мяса? И кусочков картофеля, запеченных в масле? Все это я обожала есть на Земле и не пробовала с самого начала вахты.

Перед мысленным взором неожиданно возник образ любимой еды, в нос ударил умопомрачительный аромат, вытеснив преследующую по пятам вонь. Сумасшествие! Не в силах себя контролировать, забыв о слабости и риске, яростно уперлась ладонями в поясницу Седьмого и потянулась... К чему?

К еде, что ощущалась совсем рядом. Такая доступная, сочная, свежая... В отчаянной жажде добраться до вожделенного блюда я забилась, впиваясь ногтями в тело амиота, грубо лупя кулаками его бока и спину. Я зубами готова была в него вцепиться, без страха и сомнения рвать его плоть на куски, лишь бы освободиться и... сожрать наконец до боли родную жареную картошку с куском мяса!

Забилась и с удесяттерившимися силами рванула из безжалостных тисков рук Седьмого. Голова крутилась как лопасть вентилятора, взгляд слепо шарил по округе, отыскивая источник пробудившего голод аромата. Лишь краем сознания отметила, что топь закончилась и ноги амиота ступали по пористой серой поверхности, похожей на вулканический туф.

Но все это мало занимало. Надо мной довлело единственное желание: вырваться и устремиться навстречу еде. Голод

ошеломил, ослепил и разъярил, превратив из жалкой немощной землянки в алчущую добычи неустрашимую хищницу.

Мое тело жило собственной жизнью, используя все прежние навыки, опыт и рефлексy в этой борьбе. Сейчас амиот не был для меня сверхъестественным неодолимым противником, да я едва ли вообще осознавала его конкретное присутствие. Просто билась отчаянно и яростно, используя какие-то неведомые резервы тела.

– Терпи. – Словно и не ушами слышала амиота. Настолько одержима была борьбой, что и досады не ощутила: он легко справлялся с моей дикой активностью. Седьмой так сильно стиснул мои бедра и ноги, что возможности вывернуться или ударить не осталось. Я дышала-то с трудом! – Скоро наваждение исчезнет. Мы пройдем мимо.

Смысл слов я воспринимала ничуть не менее абстрактно. О чем он? Все, кроме осознания близости вожаденной пищи, сейчас раздражало. Больше того – провоцировало неконтролируемый гнев и злобу.

Какое наваждение?! Я продолжала биться, не понимая и толком ничего не слыша. И так до момента, когда не смогла пошевелиться. Резко – как рухнуть в бездну, окаменев за секунды в параличе онемения, – застыла от бессилия. И, почувствовав усталость, накрывшую неподъемной плитой, осознав все противоречие недавно сводящего с ума ощущения голода, я наконец услышала:

– Закончилось.

Что бы ни подразумевал амиот, прочувствовала истину его утверждения на собственной шкуре: меня стошнило. Подобного упадка сил мое тело еще не знало.

– Плохо, – снова озвучил он мою мысль. Впрочем, даже на раздумья сил не осталось. Глаза закрылись. Что бы ни происходило вокруг, я не способна была реагировать. А амиот не унимался: – Нужна энергия... пища. Трое.

– Мысль о еде отозвалась реальной болью – за время недавнего помешательства на мясе и картошке я столько раз сглатывала слюну, что нижнюю челюсть свело судорогой.

– Картошка и мясо? – безжалостно повторил Седьмой.

Если б могла пошевелить хоть пальцем, треснула бы! К чему этот мучитель бормочет все, что – и это несомненно – берет из моих мыслей? Изверг!

– Здесь этого нет. Я проанализировал состав и компоненты.

Ненависть затопила сердце. Что я сейчас ненавидела больше, и сама не понимала. этого бесчувственного монстра? Или жареную картошку с мясом? Кажется, отныне, случись чудо и повстречайся мне они, – съесть не смогу. Стошнит от одного вида и запаха. Сразу вспомню это омерзительное, сравнимое разве что с каннибализмом ощущение голода.

– З-заткнись...

Титаническим усилием открыв рот, прошлепала пересохшими губами всего лишь одно слово, но после этого минут пять дышала как марафонец по завершении дистанции. Ру-

ки, повиснув безвольными плетями, болтались подо мной.

Что удивительно, амиот послушался и больше не доводил до исступления своими заявлениями. Наступившая тишина принесла облегчение, через какое-то время я совладала с накачивающей слабостью и смогла открыть глаза. Мысль о насыщении уже не довлела надо мной с прежней неотвратимостью, но еще присутствовала на задворках сознания, отступая с неохотой.

Болото? С запозданием поняла: мы выбрались. Конечно, все лавры в очередном чуде положены амиоту, а я с приступом голода еще и доставила хлопот, но... Широко распахнув глаза от любопытства и напрочь забыв о смущении при необходимости хвататься за тело своего пленителя, уперлась локтями в поясницу Седьмого, с невообразимым упорством продолжавшего шагать вперед. Куда? Что там, за границей болота?

Едва голодное безумие развеялось, я задалась естественным вопросом – что будет дальше? Повиснув вниз головой на плече амиота, многого не выяснишь. Сейчас же, извиваясь ужом и выгибая шею, я принялась целенаправленно озираться, осматривая неведомые территории опасной планеты. Местный световой день продолжался, в ярких лучах голубого светила все было хорошо видно.

Возвышенность, усыпанная серым пористым камнем и ведущая к туфовой горе, граничившей с топкой низиной, осталась в стороне. Окончательно рассеялась болотная вонь, воз-

дух наполнился куда более приятным запахом озона. Теперь мы двигались по сухой желтоватой поверхности, схожей с песчаной. Взгляд сразу приковали к себе рассыпанные на ней образования, похожие на кустики, внешне напоминающие небольшие кристаллы – тот идеальный вариант, что часто изображают в земных визофильмах. Вот только мне никогда не приходилось видеть разноцветные прозрачные кристаллы, ощерившиеся острыми гранями и торчащие на поверхности земли, словно кусты черники. Впрочем, с безобидными растениями родной планеты у этих кристаллических образований было мало общего. Скорее уж они устрашали на манер зубастых щеток, грозя неизбежным ранением при малейшем соприкосновении.

Однако впечатление оказалось обманчивым. Наблюдая, как босые ступни Седьмого легко приминают «кристаллики» при каждом шаге, поняла – они мягкие! Как жевательный мармелад. Или губка... Они не крошились, а сплющивались, чтобы, избавившись от давления немалого веса амиота в довесок со мной, медленно распрямиться вновь.

Неужели живые? Отсутствие жесткости, свойственной истинным камням, навело меня на это предположение, а ассоциация с мармеладом потянула мысль еще дальше. Возможно... Возможно, эти кристаллы съедобны? Вроде желе?

Желе... Сладкое, апельсиновое, ароматное, с кусочками фрукта! Хочу-у-у... Безмолвный вопль стал ответом пережитому стрессу, не иначе.

Подумала и вздрогнула от ужаса – опять начинается?! Но нет, мысли о еде не стали навязчивым кошмаром, заставляющим вновь слететь с катушек. Просто есть уже хотелось. И пить!

– Скоро привал. Желе?... Не знаю. Но отдых – да. И... все другие потребности.

Смотри я на лицо мужчины, при слове «потребности» точно рухнула бы замертво. Вот зачем Седьмой снова заговорил, если я ничего не спрашивала? Почему вообще снисходит до общения, при том, что иногда ему сложно подобрать нужные слова? И он в принципе единственный из них общается со мной. Больше того – единственный, кто интересуется мной. Вон про потребности уразумел! Каково?

Зажмурилась и потрясла головой, силясь прогнать ворох неуместных и дурных мыслишек – от воспоминаний о расправе, учиненной этим заботливым сейчас монстром на станции, до... парочки тел, сплетенных в страстных объятиях. Б-р-р... жуть какая. И почему я вдруг подумала о сексе? Не об угрозе помочиться в штаны или о риске прозаично сдохнуть от жажды, а о... Нет! Стоп! Только не это! Не думать, не думать! Не хватало еще навести *его* на мысли о... Нет!

Что за наваждение? Фактически находясь на грани жизни и смерти, думаю о всякой бредятине, схожу с ума по земной картошке или, того хуже, начинаю видеть в Седьмом муж... Ох, нет, об этом даже думать жутко!

Содрогнувшись всем телом, закрыла лицо руками. Доран оценил бы, вакуум ему пухом! Видно, правду рарк говорил: воздержание – это проблема. Во всех смыслах! Такими темпами скоро оправдаю нападки капитана Жьерка.

Нет, нет! Что с моей головой? Может, я просто брежу, и амиоты мне просто пригрезились в кошмаре? Эх, если бы... Пришлось ущипнуть себя за щеки, возвращая ясность мыслей.

Так, что там бормотал Седьмой? Привал? Отдых? Счастье-то какое! Висеть вниз головой, еще и с регулярной опасностью вывернуть шею, отыскивая положение для лучшего обзора, оказалось сложно – начало ломить виски. На миг с усилием зажмурил веки, я собралась было с облегчением вздохнуть, и...

Ой!

Падение с высоты, пусть и смягченное перехватившей меня мужской рукой, стало неожиданным. Поперхнувшись воздухом, в инстинктивном стремлении избежать удара невольно схватилась за амиота. Вцепилась, как детеныш мартышки в мать. Впрочем, в моем случае причина была схожей – в паническом страхе остаться один на один с окружающим миром, без защиты от множества угроз. Один ультразвук чего стоит! При мысли о разрывающем голову вое горло сдавил сухой спазм.

– Звука сейчас нет, – ровным голосом пояснил Седьмой, не отводя руки, за которую я держалась. Чуть помолчал и

добавил: – Звезда другая.

Скажи это кто-то иной, не монстр-амиот, приняла бы за слова поддержки. Но в случае с этим конкретным субъектом испытала очередной прилив раздражения: мы прямо на одной волне! Мысли для каждого из мне подобных – извечно сокровенный дар, на который ни у кого не было возможности посягнуть. Прежде...

Сейчас же, всякий раз натываясь на очевидное их чтение, ощущала себя использованной. Слово меня обокрали, вероломно и насильно лишив единственной оставшейся ценности – свободы духа.

Проклятие! Стоило подумать об этом, как вспомнилась лаборатория, где я впервые соприкоснулась с фиолетовым туманом, которым по своей сути и был амиот. Тот самый «дух», отныне и по воле мне подобных обманом, насильно заточенный в тело, что сейчас служит мне же единственной опорой.

Это было бы смешно, если б не было так грустно! Даже обреченно.

«Вон из моей головы!» – не сдержав эмоций, мысленно завопила, адресуя посыл Седьмому. Одновременно страшась и желая, чтобы он его получил. Безумно страшно было осознать, что я обречена понять мотивы его жестокости. Их мотивы!

Нет! Мы разные! Надо помнить об этом. Разные в самой сути существования.

С нахлынувшей решительностью я оттолкнула руку амиота, заставила себя разжать почти сведенные судорогой пальцы и окончательно рухнула, медленно съехав по его телу на упругие «кристаллы» рядом с грязными ногами мужчины.

На фоне желтоватой песочной поверхности и разноцветных кустиков босые широкие ступни с довольно узкими для такого исполина длинными пальцами смотрелись дико. Неестественно. Этим своим бессознательным вызовом всему цивилизованному, близкому и понятному мне амиот тоже раздражал.

«Словно дикарь», – мелькнула удивленно-презрительная мысль, которую я, вспомнив, о ком подумала, спешно постаралась прогнать.

Этому чудовищу не пришло в голову, что небезопасно шлепать босиком по неизвестной поверхности? Разумеется, трусливые мыслишки для таких, как я. Ну и бездна с ним! Наши «смертные» проблемы этим «новосозданным» не понять.

Услышав непонятные звуки – чье-то бормотание или скулеж – я невольно оглянулась. Взгляд выхватил фигуры, сваливающие в кучу остатки ресурсов. Обоих пленных заметила тоже – несший их амиот как раз сбросил мужчин на землю. Игря судорожно рвало – упираясь ладонями в песчаную поверхность, он содрогался всем телом. Второй мужчина, стянув с себя шлем и закрыв глаза, тяжело дышал. Именно его приглушенные рыдания я и услышала.

Причина их состояния казалась очевидной. Меня Седьмой нес аккуратно, придерживая так, чтобы голова оставалась выше уровня болотной топи. А если судить по корке грязи на голове и плечах Игеря и шлеме другого выжившего, то их не раз макнуло в мерзкую жижу. Возможно, механик глотнул грязи, и теперь его тошнит. Только бы не отравился...

Или?.. Одурающий голод и состояние полного изнеможения как итог? Могли испытать что-то подобное моему приступу отупляющей жажды насыщения? Впрочем, они живы – это в нашей ситуации уже победа.

Взгляд скользнул дальше, к подобию растительного массива. Присмотревшись, сообразила: его образовывали такие же кристаллические образования, как желеобразные «щетки» на желтой почве. Только в «лесу» они были в разы крупнее и выше. Своеобразные местные деревья поднимались ввысь острозубой стеной от границы поляны, на которой мы находились, и загораживали ту часть горизонта, к которой медленно опускался голубой гигант.

Амиоты, видимо, решили разбить тут лагерь?

– Лагерь, лагерь, – тут же забубнил Седьмой, возвращая к себе мое внимание.

Отвечал он или просто проговаривал новое слово с понятным значением? Медленно выдохнув, прикрыла глаза, смиряясь с неизбежным. Зачем амиот меня сюда притащил? Зачем вообще таскает меня с собой с самого начала?

Ответ для себя нашла, исходя из очевидного наблюдения: Седьмой с терпением попугая повторял за мной все что угодно. Выходит, я для него важный, а главное, очень удобный источник информации. Слышимый. Разговорчивый...

Зло зыркнув на злополучные босые ноги монстра, мысленно показала ему язык. Наверняка он и сейчас меня «слушает». Это раздражает, но что я могу противопоставить? Да и стоит ли в условиях моей полной зависимости от него? Конечно, я могу думать черт-те о чем... по сути, так чаще и бывает. Могу запутать его? Доказать свою бесполезность не словом, а делом! Ха...

Допустим, докажу. А что дальше? Без помощи амиота меня бы уже в живых не было. Приземление, этот кошмар с ультразвуком... А что было на выходе из болота? Когда я с полным осознанием пыталась грызть – ни больше ни меньше – бок его тела, вождедея жареное мясо?.. Конечно, это тот случай, когда вероятнее зубов лишиться, чем откусить кусок от Седьмого. Но сам факт?! Что за наваждение? И какое уже по счету на этой планете?!

Забыв обо всем, завывла в голос. Понимание нахлынуло лавиной мыслей и эмоций, вызвавших холодную испарину. Все следы тошнотворного голода и недавнего умопомрачения смыло осознанием простых истин. И самая отрезвляющая из них – я перестала бояться монстра.

Проклятье, как? Это ж немыслимо, противоестественно! Но... хоть я и не признавала его права на совершенное, не

принимала их кровожадное и безальтернативное восприятие мира, твердо знала: сейчас мне нужен Седьмой.

Одобрительный смешок? Мне не послышалось? Как же это невыносимо – быть для него открытой книгой!

Яростно клацнув зубами, заставила себя думать о первоочередном. Точно, о потребностях! Об этом же твердил и Седьмой, будь он неладен...

Демонстративно вздернув подбородок – способен ли амиот уловить в этом жесте вызов? – оглянулась. Согнувшись, монстр невозмутимо сдирал с ног непонятные комки грязи и отбрасывал в сторону. Приземлялись они с едва слышным писком и тут же принимались ползти к кристаллам-кустикам. Видимо, в поисках убежища.

Еще одна форма жизни? А сколько еще их будет?! И наверняка не все окажутся такими уж мирными и безобидными... Вот эти сгустки, например, вряд ли решили просто покататься на бредущем в болоте существе.

С опаской проследив за траекторией очередного отлетевшего в сторону комка, вернулась взглядом к амиоту. Избавившись от последних прилипал, он как раз начал распрямляться... А я в шоке замерла, вдруг со всей очевидностью уразумев почему-то до сих пор ускользавший от меня факт – мужчина стоял передо мной голым! Абсолютно...

Единственное, что скрывало бледную до сероватости кожу Седьмого и слегка смазывало детали его анатомии, – это повсеместная, толстым слоем присохшая к телу болотная

грязь. Мои руки зудели от нее же, но в этот миг я и думать забыла о желании расчесать их, избавляясь от затвердевшего слоя.

Сглотнув, на миг прикрыла глаза, инстинктивно желая увериться, что вижу это воочию. Огромный, сложенный как бог мужик с широкой грудью, рельеф которой не могла скрыть даже сеточка мелких трещин на подсохшей грязи. А ниже – умопомрачительно плоский живот и совершенно дерзкая демонстрация всех атрибутов мужественности.

Твою ж...

Резко выдохнув, отвела взгляд, едва осознав, что лицезрею именно то, что так настойчиво желал продемонстрировать мне Доран в уединении каюты. При этом смущенной себя ощущала исключительно я! Амиот же – вот парадокс – на фоне дикого и опасного окружения кошмарной планеты, куда нас закинуло, со своим крепким задом и мускулистыми бедрами смотрелся... естественно. Словно вот таким, лишенным стыда и чуждым сомнений, он пришел в этот мир, выбравшись из чрева матери, прожил свою жизнь, преисполненный единения с местной природой, и сейчас неожиданно встретил меня, такую чуждую его мироощущению и самой сути этого места.

Но я-то знала, что это не так! Мы оба были здесь чужаками, не говоря о природе его «рождения». Впрочем, почему я удивлена? Поразительная способность подстраиваться под условия среды и более чем естественный и практичный

подход к самовосприятию – чем не очередное преимущество этих созданных учеными существ?

«Я должна была сдохнуть там, со всеми...» – свежая мысль в моем самопознании, возможно, не была самой разумной, но точно отражала всю глубину смущения и растерянности, что я испытывала в данный момент. Беглого взгляда вокруг оказалось достаточно, чтобы понять: все амиоты голые. Очевидно, им так удобнее. Чувствую, в таком окружении если и выживу, то одичаю. Сколько пройдет времени, прежде чем и я, отринув цивилизованность, соглашусь сверкать обнаженными телесами под весьма странными местными светилами?

Боковым зрением уловила движение – Седьмой присел напротив, и наши лица оказались на одном уровне. Колени он широко раздвинул, заставив меня судорожно поперхнуться. Если отбросить гнев на себя и дурацкое положение, в котором оказалась, то где-то глубоко в душе я ловила себя на какой-то животной реакции на пусть и не намеренную демонстрацию сексуальности. Вопреки желанию и всякому здравому смыслу часть моих женских инстинктов пробуждалась, взбудораженная близким присутствием такого очевидного самца.

«Убиться легче, – мысленно продолжила распекать себя, отодвигаясь и всем корпусом отворачиваясь от амиота. – У меня словно гормоны проснулись».

«Обнаженка» Седьмого заставляла трястись от волнения

куда больше, чем все вместе взятые не менее мускулистые и грязные тела его соплеменников. Возможно, причина крылась в его близком, даже подавляющем присутствии? Подспудном страхе перед ним, как перед мужчиной? Все эти мыслишки насчет размножения не прошли даром? Я действительно страшилась такого его возможного интереса? Подсознательно ожидала его?

Реально оценивая шансы на наше выживание, я понимала, что «колонисты поневоле» вполне могли оказаться лишенными одежды. И неправильно на это так остро реагировать. По идее...

Медленно втянув воздух, на сей раз с нотками мускуса, дала себе мысленный пинок: нельзя дать понять Седьмому, что его тело вызывает у меня какую-то реакцию. Не хватало еще самой навести его на ненужные мысли!

«Мы словно на необитаемом острове, – вновь и вновь бормотала про себя. – В этих обстоятельствах нельзя быть излишне щепетильной».

Но справиться с собой, для начала хотя бы урезонив учащенно бьющееся сердце, получалось плохо. А ведь работа в мужском коллективе изрядно закалила мои нервы – видом впечатляющего мускулистого тела меня было не сразить. Мне доводилось видеть сослуживцев в разных ситуациях и видах – были в коллективе любители намеренно пощеголять перед коллегами-женщинами натурой, особенно в общих душевых на заданиях. И все равно сейчас я смути-

лась. Искусственно созданные тела амиотов даже в вопросе мужской анатомии отличались внушительностью, пробуждая любопытство.

Потупив взгляд, все же не удержалась. Из-под ресниц снова обежала глазами полянку у опушки зарослей кристаллов, подмечая детали. Очевидно, что амиотам не знакомо чувство стыда – они с абсолютной естественностью занимались делами, сортировали спасенную поклажу, помогали более слабым. А тот факт, что все без одежды, волновал лишь меня. Ну еще, пожалуй, Игеря – я видела, что он, стоя на коленях, ошеломленно озирается, больше приглядываясь к женским версиям амиотов, тела которых тоже отличались эталонным совершенством. Хотя, похоже, штурману было пока не до серьезных выводов.

– Черт, – трясая головой, отчетливо выругался он. – Мерзость какая. Это не болото, а отхожая яма. Или кто-то сдох и разложился, или нагадил. Я словно дерьма нахлебался...

Мужчина отвел взгляд от Риш и схватился за живот – его снова тошнило.

– Надо в аптечке адсорбент найти. Конечно, если она тут чудом окажется, – попыталась помочь, с усилием заставляя себя не думать о все так же наблюдавшем за мной Седьмым. Вслух в окружающей тишине говорили только мы.

– Думаешь, – Игерь с надеждой впился взглядом в стоявший рядом с нами контейнер, – можно туда заглянуть? Разрешат? – Нервно оглянулся. – Им-то что... Никакого поня-

тия человечности. Никаких моральных принципов. Ни стыда ни совести. Даже разгуливать голышом для них в порядке вещей. И полное отсутствие состра...

Последними словами Игерь буквально подавился, в ужасе выпучив глаза и уставившись на что-то за моим плечом. Или на кого-то?

Дернувшись, обернулась. Седьмой, который секунду назад сидел на корточках шагах в пяти, сейчас нависал надо мной, распрямившись во весь свой немалый рост. Бедро мужчины прижалось к моему плечу, и это прикосновение даже сквозь ткань скафандра ощущалось реальным жаром. Глаза амиота казались жутковатыми – неудивительно, что механик подавился собственными словами.

Подняв взгляд, я по привычке искала на лице Седьмого ответ на вопрос, что случилось.

– Почему?

Выдав единственное слово, амиот выглядел невозмутимым. Однако вопреки его вниманию, сосредоточенному на моем соплеменнике, интуиция подсказывала: вопрос адресован мне.

– Ч-что почему?

Не понимая, чего ожидать от непредсказуемого во всех смыслах сверхсущества, я лихорадочно пыталась понять, что могло так взвинтить монстра.

– Почему говоришь с ним? И...

– И?..

Забыв о странностях окружающего мира, других амиотах, что привычно не обращали внимания на инцидент, даже о нагоде находящегося так близко пугающего чужака, я сосредоточилась лишь на ожидании его ответа. Мне катастрофически не хватало понимания его поступков и мотивов.

– Его состояние не имеет значения, – завершил мысль амиот, совершенно меня озадачив.

К чему подчеркивать очевидное? Наши жизни для них ничтожны.

– Мы воспринимаем по-другому, – не иначе как от волнения принялась объяснять Седьмому вещи, чуждые ему и его соплеменникам. – Взаимопомощь, любовь и сострадание к ближнему – лучшие качества, которые мы знаем.

– Троя, – внезапно зашипел механик, – не говори ему ничего! Им не говори... Не пытайся объяснить. Обо мне!

Перевела на него недоуменный взгляд. Разве не правильнее хотя бы попытаться установить взаимопонимание? Что еще остается? Здесь мы полностью в их власти.

– Ты совсем глупая? – одними губами прошептал механик, продолжая пялиться на Седьмого, словно кролик на удава.

– Что еще не так? – зашипела, раздражаясь. Игерь-то чего злится?

– Не говори со мной! – нервно выкрикнул в ответ мужчина. – Умоляю! Даже не смотри в мою сторону!

С чего такая внезапная перемена? Что увидел один муж-

чина в глазах другого – дикого и в нашем понимании безумного? И что в этой короткой перепалке спровоцировало амиота?

О последнем я подумала, осознав, что жара близости между телами больше не ощущаю. Переместившись как по волшебству, Седьмой стоял уже рядом с землянином. Больше того, обхватив пятерней его глотку, поднял несчастного Игеря высоко над землей.

Другой пленник, чье имя я так и не выяснила, потрясено охнул, напуганный этим зрелищем. Казалось, сейчас мы оба увидим уже известную картину: фиолетовый туман, обволакивающий тело, а следом его бездыханное падение. Сама не поняла, как вскочила на ноги: страх стать свидетелем очередной трагедии толкал вперед.

Игерь обеими руками вцепился в безжалостную ладонь-удавку в тщетной попытке оторвать ее от своей шеи, скованной ободом скафандра. Взгляд, устремленный на мучителя, полыхал ненавистью. Словно мужчина понимал: пощады не будет. И знал почему...

Спотыкаясь на дрожащих ногах, устремилась к этим двоим. В голове полное отсутствие мыслей, только глухое отчаяние. Никакого прогресса с амиотами! Едва начинает казаться, что хоть какой-то контакт устанавливается, как Седьмой все рушит проявлением откровенной жестокости и полным пренебрежением к чужим потребностям.

Подбежала и, не задумываясь о своих действиях, подныр-

нула под поднятую руку мужчины. Обхватила его поперек груди, сиюсь сомкнуть свои руки. А оказавшись с Седьмым лицом к лицу, устала на его глаза. Амиот на штурмане смотрел... испепеляюще. Однако голос остался бесстрастным, мимика неживой, и от этого становилось жутко.

– Я предупреждал.

Опешила от непонимания. Что он хотел этим сказать? Он же к Игерю обращался, не ко мне.

В тот же миг к землянину протянулась и вторая рука монстра, схватила за волосы и рванула вверх. Я еще только набирала в легкие воздух, а Седьмой уже надорвал ворот скафандра, сдирая его, словно шкуру освежеванного животного.

– Не надо! – взвизгнула, не думая о последствиях, в отчаянии стиснув тело амиота обеими руками.

Еще и головой в его грудь уперлась, соприкоснувшись щекой с измазанной грязью кожей. Собственное прерывистое дыхание, губы, бормочущие впритык к его коже, дико стучащее сердце, трепещущая от эмоций грудь, вжимающаяся в жесткое тело, – всего этого я не замечала в тщетных попытках оттолкнуть амиота от его жертвы.

– Ему просто плохо! Не хотел обидеть.

Так же внезапно, как накинудся, Седьмой разжал пальцы. Механик, хрипя и стелая, рухнул на песок. Вернее, на поросль из цветных кристаллов. Тут же шарахнулся в сторону, вскрикнув от страха, что их визуальнo острые грани его ра-

нят, – без защиты скафандра мы уязвимы.

Пристальным взглядом проводила плюхнувшееся вниз тело, с напряжением ожидая последствий падения. С облегчением выдохнула – кристаллы как обычно сплющились, не принеся вреда. И не сразу обратила внимание на действия Седьмого – монстр переложил руки на меня! Но вопреки опасению не стиснул подобно горлу Игеря, а только придержал, сохраняя ровно ту степень тесноты между нами, что задала я, пытаясь сдвинуть его с места.

Опасность и неоднозначность ситуации обрушилась ворохом острейших ощущений. Столь сильных, что я прохрипела внезапно осипшим голосом:

– Не надо...

На большее меня не хватило. Слова закончились, а мысли испарились, растворившись в волне смущения. Тонкая броня скафандра словно вообще отсутствовала, и распластанной по мужскому телу грудью я отчетливо ощущала его рельеф. В сравнении с моим оно казалось таким твердым... И близким...

Незнакомое ранее ощущение!

В ошеломлении перестав слышать даже звуки, подняла взгляд к лицу амиота. Он смотрел на меня с неменьшим изумлением, задержав дыхание. На какой-то бесконечно долгий миг мы замерли в ступоре. Но едва этот факт пробился к моему сознанию...

– Отпусти, отпусти! – зачастила и заерзала, пытаясь ото-

двинуться. Вспомнила и о причине спасательной инициативы: – Нужно помочь другим. Нужны лекарства...

В памяти всплыл диалог с Игерем о медикаментах. Возможно, среди спасенных со звездолета ресурсов есть аптечки?

Мгновением позже амиот стремительно переместился к ранее обсуждаемому с механиком контейнеру, а я с трудом устояла на ногах. Крышку он буквально сорвал, видимо, не считая нужным возиться с замком. Резким движением вытащил бутылку с водой и знакомую корабельную аптечку. Вот что значит – видеть мысленный образ! Достал именно то, что было необходимо. И все это с каменной миной!

– Пить.

Протянул мне воду, подождал, пока я решусь ее взять. Потом небрежно, не удосужившись оглянуться на настороженно наблюдавшего за нами Игеря, швырнул в его направлении аптечку. Попала она точнехонько в лоб, заставив механика сморщиться от боли.

Мое импульсивное желание прийти на помощь пострадавшему остановил сам пострадавший. Суматошно замотал головой, явно не желая моего приближения. Взглядом указал на спину амиота, который снова отвернулся, сосредоточившись на содержимом контейнера. Глаза полыхали лютой ненавистью – механик точно затаил злобу. Если ему подвернется возможность навредить нашим похитителям, он ее не упустит.

Опомнившись, Игерь отвел взгляд от Седьмого и торопливо вскрыл герметичный пакет. Порылся в упаковках, читая надписи, выудил какое-то лекарство. Вслед за Игерем и я решила не изменять своим намерениям, решительно двинувшись вперед. И штурман напрасно напрягся – игнорируя его очевидный испуг, я уверенно выхватила из аптечки нужный препарат и отошла к кулем сброшенному на землю, глухо постанывавшему второму пленнику. Встретившись с его серыми глазами, хмуро нас изучающими, протянула лекарство.

– Возьмите, это обезболивающее. Станет легче.

Оказавшись рядом, рассмотрела нашивку на воротнике формы, видневшемся в горловине скафандра. Военный! Подобно мне, он относился к службе внутренней охраны станции.

– Себе оставь, – презрительно скривился недавний коллега, отталкивая мою руку. – Пригодится, когда амиот тебя оприходует.

Опешила, не понимая, почему он злится. Ничего же плохого не предложила! И что за намеки?!

– Не пугай ее, – откуда-то из-за спины раздался приглушенный голос Игеря. – Не в ее силах изменить хоть что-то, если хочет выжить.

– Такую разве испугаешь? – со злостью отмахнулся незнакомец. – Не зря о ней и Доране столько разговоров было. Бывалая! Ради своей шкуры по костям пройдет и монстром не

побрезгует. И подстилкой ему станет, забыв о погубленных этими тварями сородичах! – Он заводился все сильнее, голос мужчины звучал громче, а я стояла, онемев от шока и омерзения. – Ну да, жить захочешь – еще не так раскорячишься. Готова с дикарями под первым кустом кувыркаться? Только зря мечтаешь, что жалкую свою жизнь таким способом убережешь! Конец один, что у нас, что у тебя – попользуются и сожрут.

Поняв, о чем бормочет этот малахольный, я задрожала от ярости. словно вновь вернулась в атмосферу всеобщего презрения, спровоцированную конфликтом с напарником.

– Последние мозги растеряли? – зашипела на военного. – Что капитан Жьерк не отбил на тренировках, то амиоты отшибли? Головой шарахнуло при приземлении? Чтобы выжить, нам надо держаться друг друга и поддерживать, а не сыпать оскорблениями!

– Выжить? – сероглазый заржал в голос, каким-то безумным взглядом озираясь на амиотов, с невозмутимостью сфинксов продолжавших помогать тем, кто еще с трудом управлял телом. – Думаешь, они по доброте душевной нас с собой тащат?

– Прекратите истерику, – резко ответила, заставив себя успокоиться. – Проблема именно в том, что с самого начала никто не попробовал установить с ними взаимопонимание. Это мы принуждали их, первыми проявив жестокость.

– Ты блаженная?

– Троя... – вмешался в перебранку.

Сомневающийся тон механика ясно показал: он тоже видит в амиотах лишь врагов.

– Я просто не хочу умирать! – ответила сразу обоим. – И мы должны попытаться достучаться до них. Использовать каждый шанс. И для начала перестать думать о них как об опасных неуправляемых безмозглых обезьянах. Они же все понимают! Даже сейчас...

– У тебя есть все шансы пожить подольше, – хрипло хохотнул пленник. Запал спора оставил его без сил – после кратковременной вспышки гнева мужчина тяжело осел на землю. – Можешь сколько угодно фантазировать, но никакого взаимопонимания не будет. Мы все покойники. Но ты крути задницей, как делала на станции, тогда еще поживешь.

Шокирована таким мнением на свой счет оказалась, кажется, только я. Игерь мыслил порядочнее коллеги-негодяя и действовал быстрее. Все еще зеленоватый от тошноты, он тяжело поднялся, обогнул меня и неожиданно вцепился рукой в шею мужчины.

– Еще раз ее оскорбишь, – сипло пригрозил, – без помощи амиотов на тот свет отправишься.

– Давай! – брызжа слюной, выдавил вояка, безумно вращая глазами. – Защищаешь?! Неужели и тебя успела охмурить? Ах да, вы же в лазарете вместе...

Он захрипел, потому что Игерь вцепился в его горло и второй рукой.

В отчаянии от такой непрошибаемой слепоты и злобности себе подобных, я сжала кулаки, не представляя, что предпринять. Хотелось треснуть обоим. Полагают амиотов дикарями, а сами сцепились в драке ничуть не лучше парочки преследующих Риш! Как тут доказать амиотам, что путь жестокости неверен?

В следующий миг мужчины разлетелись в стороны, будто неведомая сила отшвырнула их друг от друга. Увидеть рядом Седьмого не стало неожиданностью, словно именно его вмешательства я подсознательно... ожидала?

И сразу обратила внимание – голым амиот уже не был. На его бедрах красовались армейские форменные брюки. Из-за них и рылся в контейнере? Однако мысль, что он понял мои переживания по поводу его наготы, смутила.

– Этот звук?

Седьмой, игнорируя копошения моих собратьев по плену, что теперь благоразумно молчали, указал рукой на мой живот. Из-за бешено стучащей в ушах крови сообразила не сразу:

– Живот урчит.

Амиот непонимающе смотрел на мое лицо.

– Есть хочу... – тихо призналась не без внутреннего напряжения, боясь заводить разговоры о питании.

Подобрав оброненную мной бутылку и неуловимым движением сорвав крышку, Седьмой ткнул горлышком в мои губы.

– Хочешь жить. Пей.

В горло ударила струя теплой, но такой живительной влаги! Я глотала ее, захлебываясь, но ощущая благодарность. Седьмой точно слышал спор. Все ли понял? Видимо, достаточно.

Может, как сказал военный, он обо мне заботится с каким-то расчетом, но... Но ведь заботится! Этот амиот сейчас мой единственный шанс на спасение.

В нелепые идеи сошедшего с ума землянина о соблазнении я не верила. Абсурд! Амиоты – последние существа во вселенной, способные к кому-то привязаться. Но договориться с ними реально, и я все больше склонялась к этой мысли.

– Нужна еда. Тебе.

Дернувшись, неожиданно икнула: как только амиот заявил про нужду, я ощутила однозначный сигнал от собственного организма.

Еда, конечно, тоже стояла на повестке дня, но кое-что сделать оказалось куда важнее. То ли вода, что я выхлебала, стала причиной, то ли тело окончательно отошло от очередной встряски, но отчаянно захотелось в туалет. И если голод можно терпеть, но вот с самым насущным – никак.

Судорожно заозиралась – как?! Где?! Страшила сама мысль сделать это на глазах у всех, свойственная нашей цивилизации мораль накрепко въелась в сознание. Пугало как презрительное осуждение собратьев, так и несомненный ин-

терес амиотов. Попробуй я устроиться за ближайшим кустом кристаллов, точно привлеку их внимание.

Однако достаточно обширных зарослей желеобразных образований рядом не наблюдалось, и мой взгляд устремился в сторону леса.

– Куда? Что?

За метаниями не заметила, как Седьмой подскочил вплотную. Ухватив за подбородок, задрал мою голову и прищурился, уставившись в глаза. Словно силился, но не мог рассмотреть что-то...

Однако сил терпеть уже не было, как и ждать, пока он разберется в моих сумбурных мыслях. Ему самому такие проблемы и в голову не приходили. О том, как и где избавиться от «лишнего», амиоты раздумывали не больше, чем о нагоде. Только Седьмой и еще пара монстров, последовавших его примеру, натянули штаны, остальные так и разгуливали голышом. И нужду они справляли между делом, чуждые стыду и брезгливости. Но я-то?!

Рефлексы возобладали над страхами – рванула к лесу, схватив амиота за руку и потянув за собой. Инстинктивно боялась вновь испытать воздействие ультразвука, вот и решила на инициативу.

Вопреки моим опасениям, мужчина не воспротивился, с очевидной легкостью подчиняясь и продолжая буравить меня взглядом. Но когда до спасительных зарослей оставалось метров пять, а я уже начала расстегивать фиксаторы комби-

незона, амиот резко дернул за плечо, остановив меня почти в воздухе.

– Ш-с-с... – выдала я нечленораздельное шипение, ментально сжав ноги крестиком.

– Что... Трое там? Надо?.. – словно издеваясь, Седьмой принялся выдавливать слова с медлительной отчетливостью.

– Умереть как надо, – перебила, завопив в голос. Кажется, услышали все в лагере.

– Троя не умрет, – деловито сообщил амиот. – Но там, – махнул свободной рукой в направлении леса, явно скопировав мой недавний жест, – неизвестное. Опасно.

– Описаюсь! – наплевав на стыд, прошипела в ответ.

– Что? – Разумеется, он не понял. А я со всей обреченностью осознала: предел.

– Сядь! – силясь надавить на его плечи, завопила так, что все опасное, что, по утверждению амиота, было в этом лесу, обязано было сей же миг окачуриться от страха.

Седьмой, уши которого дрогнули, чуть отклоняясь, послушно присел, явно заинтригованный моей столь яркой эмоциональной реакцией. Монстр бесчувственный!

Дернув комбинезон вниз и смиряясь с неизбежным позором, я опустилась на корточки. Журчащий звук заинтересовал Седьмого меньше моих, судя по жару, покрасневших щек. Спрятавшись от других за его мощной фигурой, я не ожидала внезапного прикосновения мужской руки к щеке.

– Горячо, – не знаю, мне или себе сообщил Седьмой, под-

тверждая опасения. – Ты полагала, смерть от перегрева?

Он сделал свои дикие выводы, а я...

– Нет, – огрызнулась, избегая смотреть в его глаза и поднимаясь, амиот синхронно распрямился. Подумав, решила пояснить: – Боялась, что лопну.

– О!

Несколько секунд он пялился на меня, анализируя сказанное. Наконец медленно опустил взгляд, очевидно сообразив, в чем причина моих недавних страданий.

– Не смотри!

Проклятая въевшаяся под кожу мораль! Стыд нахлынул с еще большей силой. И почему я так стеснялась лужи под ногами, быстро исчезающей в сыпучей поверхности?

– И почему? – немедленно повторив мой вопрос, потребовал пояснений Седьмой.

Из-за своей глупости оставалось только в отчаянии поднять взгляд к небу. Глаза буквально впились в быстро светлеющую на горизонте сиреневую полосу. С каждой минутой она становилась все шире, ярче и... розовее!

Это... Это *оно* восходит?!

Смущение отошло на второй план, меня накрыла волна паники – убийственный кошмар сейчас вернется? Со всей отчетливостью вспомнила: амиот сказал «другая звезда», когда объяснял, что ультразвука нет. То есть его испускает розовая? И сейчас приходит ее время?

– С-стыдно, – не думая, что говорю, выдала чистосердеч-

ный ответ на вопрос, не отрывая глаз от горизонта, – в туалет ходить при ком-то.

– Стыдно? – Он переспросил, а я вспомнила, с кем говорю. Они и понятий таких не имеют. Седьмой подтвердил догадку. – Ходить в туалет? Функция тела. Одна из. Потребляет ресурсы для получения энергии. Избавляется от вредных и лишних веществ. А что делает «стыдно»? Какая функция?

При других обстоятельствах я бы с его рассуждениями смирилась: так заведено в природе. Надо перебороть стыд, раз все естественно и жизненно необходимо. Но сейчас мне было не до этих вопросов. Совсем иное владело мыслями: ультразвук! Розовое солнце краем диска уже вылезло из-за горизонта, и я, едва успев натянуть скафандр, теряя разум от захлестнувшей паники, подорвалась. Бросилась к тому, кто мог спасти, и обхватила его руками. Меня гнал страх перед неодолимым и инстинктивная потребность в защите.

Какое-то время мы стояли неподвижно: я – в оцепенении предчувствия боли, он – спокойно, с высоты своего роста наблюдая за мной, то ли принимаясь, то ли как-то иначе изучая. Минута сменяла минуту, розовый диск с не самой маленькой скоростью поднимался к зениту, но ничего не происходило, и Седьмой привычно спокойно заявил:

– Нет угрозы.

– Нет? – переспросила, не веря, очень уж ярким был в памяти ужас боли.

– Не слышу, – подтвердил чужак.

Сквозь страх пришло осмысление – звук не появился. Почему? Да какая разница! На этой планете наверняка немало явлений, объяснить которые можно, лишь тщательно их изучив. А я не ученый. Для меня главное факт. Амиот тоже вряд ли пытается понять причину, ему достаточно того, что он сам чувствует. А его восприятие лучше моего.

Отмерев, разжала до онемения сжавшие обнаженный торс пальцы, собираясь отступить. Но так этого и не сделала, потому что из груди склонившегося ко мне Седьмого неожиданно раздался гортанный звук, похожий на... мурчание? Раскатистый, мягкий, не угрожающий, скорее приятный, он словно был следствием моего прикосновения!

Это Седьмой одобрил мою инициативу быть к нему ближе? Отчего еще могло так среагировать его тело?

Амиот, похоже, сам не понял. На его обычно безэмоциональном лице отразились растерянность и изумление. Рот удивленно приоткрылся, позволяя выглянуть из-за ранее плотно сомкнутых губ паре острых клыков. Глаза расширились, а следом и зрачки – резко и почти полностью поглотив радужку.

В таком же шоке, должно быть, смотрела на него и я. Что происходит? Свидетелем чего я стала? Проявлением какой из способностей созданных тел? Но времени подумать не осталось – заставив вздрогнуть от неожиданности, вступил в «диалог» мой живот.

– Тоже... урчит, – пролепетала смущенно.

Вот ведь незадача: стоило разобраться с одной потребностью, как напомнила о себе другая.

– Еда, – провозгласил Седьмой как установку и, прежде чем я успела испугаться, подхватил меня на руки.

Пришлось закрыть глаза, чтобы не спровоцировать приступ тошноты, – с такой стремительностью он рванул в лагерь. Пары минут не прошло, как я оказалась устроенной на контейнере, из которого ловкие руки мужчины предварительно выдернули стандартный корабельный паек.

– Я сама, – буркнула, увидев с каким непониманием рассматривает герметичную компактную коробку Седьмой, и протянула руки к вожденной пище.

Голод она утоляет отлично, а вкус... К счастью, не картошка с мясом.

Сняв защитную пленку, принялась грызть концентрат. Напрягал только неотступно провожающий каждый кусочек взгляд амиота, вызывавший не самые приятные ассоциации.

– Хочешь? – С внутренним напряжением протянула кусочек мужчине. Лучше поделиться, чем быть съеденной.

Седьмой пищу принял, но вопреки моим ожиданиям пробовать не стал. Вместо этого его рука взлетела, замерев напротив моего рта, и белковый концентрат, что я предложила амиоту, коснулся губ.

В недоумении уставилась на его лицо. Как это понимать? Кормить меня хочет?

Ответа не получила – невозмутимая физиономия ничего

не выражала. От волнения облизнув губы, я решила и открыла рот, аккуратно забирая зубами еду.

Седьмой кивнул с одобрением и отобрал у меня остатки пищевого пайка, чтобы кусочек за кусочком скормить мне его полностью! Чувствуя себя зверюшкой, которую вознамерился приручить опытный дрессировщик, противиться даже не пыталась. По сути, ведь ничего нового – меня считают игрушкой.

Только... Разве амиот сам не проголодался? Его организм получил немалую нагрузку, но я не видела, чтобы он что-то ел.

– Мы насытились.

Уже не удивилась, услышав ответ на невысказанный вопрос. Зато при упоминании других невольно перевела взгляд на его собратьев. Действительно, большая часть амиотов, рассевшись небольшими группами, аппетитно поглощала что-то похожее на растения. Странно было, зная, что вокруг только кристаллоподобные кустики, видеть совсем иные по форме лианоподобные образования с выростами-шишками на концах. Но куда больше поражало другое – амиотам подходит местная пища, и они уже успели выяснить, что она безопасна.

Мысленно впечатлившись, зевнула и прикрыла глаза.

– Что за изощренная пытка? – из сытой задумчивости меня выдернул гневный голос Игеря.

Обернувшись, обнаружила двух амиотов, настойчиво

предлагающих моим собратьям те самые «шишки», буквально запихивая в рот землянам.

– Это может быть ядовитым! – упирался и мужчина, недавно насмежавшийся надо мной.

– Мне тоже попробовать?

– Я потянулась было к спорящим, желая принять свою долю риска, но Седьмой молниеносно опустил ладонь на плечо, удерживая на месте.

– Нет, – припечатал категорично и, обернувшись к Игерю, холодно бросил: – Хочешь жить – ешь, не хочешь – не ешь.

На этом его внимание к пленникам иссякло. Поэтому амиот не увидел угрюмый ненавидящий взгляд механика, который, посмотрев на жующих амиотов, осторожно надкусил образчик местного неведомого продукта.

– Почему мне... – попыталась было разобраться в мотивах Седьмого, но он даже не дослушал, порадовав очередным «Нет». А потом указал на небо, привлекая внимание к розовому светилу. За прошедший с его восхода час, быстро пробежав по небу, оно догнало медленно ползущее голубое, и сейчас они вместе закатывались за горизонт.

– Наступает ночь. Троя будет спать.

– Не спрашивая, амиот подхватил меня на руки и уложил прямо на землю, устраиваясь рядом. Противиться я и не думала – что могло ожидать вынужденных колонистов в этом мире, не представляла, спать рядом с монстром уже случилось, сейчас безопаснее места нет. А утро вечера мудренее

– это истина. Особенно если сил спорить с судьбой уже не осталось. Да и темнота обступила.

Глава четвертая

Неожиданности

Кин

Добыча заснула. Я терпеливо ждал момента, когда сердцебиение Трои чуть замедлится, сообщая, что организм перешел к фазе расслабления. В том, как жизненно важен телам сон и восстановление сил, я успел убедиться на примере собственной оболочки.

Сегодняшние нагрузки не прошли даром – ресурсы навязанного тела изрядно истощились. Но несоизмеримо в меньшей степени, чем у Трои. Оттого я замер, устроив ее рядом, как и в прошлый период сна.

«Отдых. Сейчас для всех», – пришла адресованная каждому мысль Орша, и в импровизированном лагере все изменилось – до сих пор сохранявшие активность немедленно выполнили указание собрата.

Среди нас не возникало разногласий. Не требовалось лишних пояснений, чтобы действовать предусмотрительно. Каждый осознавал своевременность приказа и рациональность выбранного темного периода суток планеты для восстановления функций оболочки.

Однако Орш, кажется, учел не все...

«Пленники, – послал я аналогичный сигнал. – Кто-то

пусть будет рядом».

Не то чтобы их жизни значили для меня многое. Особенно сейчас, когда мы убедились, что легко сможем добыть пищу. Влияние ультразвука на соплеменников Трои оказалось столь интересным, но начинать утро с очередных криков, бездарно растеряв и эти жизни, я не планировал.

Неизменно анализируя реакции тела своей добычи и контролируя ее состояние, я погрузился в изучение окружающего нас пространства. Почему Трои и других пленников все только пугало? Всем нам было сложно понять их отношение к происходящему. Куда важнее казалось освоиться в этом мире, научиться взаимодействовать с ним.

Как и я, каждый из амиотов, внося свою лепту в общее дело, сейчас прислушивался и присматривался к ночному миру планеты, формируя в нашем совместном сознании максимально полную картину реальности.

На удивление, ночью звуков было больше, чем днем. Видимо, время беспросветной мглы ценилось местными обитателями куда выше, чем день, формируемый удушливым жаром голубого светила-гиганта или холодным светом его розового спутника-карлика, да еще и в сочетании с ультразвуком. Вероятно, подобные условия оставались экстремальными даже для приспособленных к жизни на планете существ. Теперь же, когда факторы изменились, став более благоприятными, активизировалось и все живое вокруг.

А его здесь оказалось немало.

Зрительными органами тела в наступившей темноте рассмотреть много не удавалось, лишь наши уши улавливали какофонию звуков – от тихого шелеста, который издавали желеобразные кристаллы, находящиеся рядом, до яростных криков какого-то подвижного существа вдали.

Привычным «взглядом» эдайти я опознавал куда больше. Используя имеющиеся возможности, позволил истинной сущности привычно прощупывать пространство вокруг поляны, осязая и формируя в сознании образы активизировавшихся подвижных организмов, порожденных миром планеты и пробужденных отсутствием освещения.

Длинных, выползающих из крошечных щелей в песке. Плоских, скользящих в воздушном потоке над нашими головами. Громоздких, бродящих по туфовой возвышенности, где мы добыли первую еду. Мелких, стремительно перемещающихся по кристаллическому лесу, в который нам предстоит углубиться уже завтра. Крошечных, навязчиво мельтешащих рядом с моим телом и... И с телом Трои, голова которой расслабленно обмякла на моей руке, и чем плотнее становилась темнота, тем кучнее обступали нас эти организмы. Их присутствие насторожило. Я не желал нарушать отдых своей добычи, но не знал, могут ли они стать для нее угрозой.

В своих подозрениях оказался прав – местная роящаяся живность действительно несла опасность. Почувствовал это, едва первое крошечное тельце, не испытывая ни малейших

колебаний и не снижая скорости спикировало на меня и буквально вгрызлось в кожу в области плеча.

Мог ли я избежать соприкосновения? Мог, легко увернувшись, – скорость существа несоизмеримо уступала возможностям этого тела. И тем не менее позволил себя укусить, желая проанализировать угрозу. Да и двигаться, беспокоя уснувшую Трою, не хотелось.

Тело среагировало, уплотняя покров, выталкивая ротовой аппарат существа и отбрасывая его крошечное тельце. Ощущение болезненности не впечатлило – эта оболочка способна вытерпеть большее, да и крошечная ранка немедленно затянулась. Однако что случится, если существо вопьется в куда более уязвимую и практически лишённую возможностей к восстановлению кожу моей добычи? А ведь их вокруг много – целый озлобленный и голодный рой, и крошечные хищники стремятся полакомиться нами.

«Плотоядные», – сделали тот же вывод собратья. Подобно мне присматриваясь к проявившему себя новшеству незнакомого мира, а мысль о питании, в нашем понимании, неразрывна с самим существованием.

Я рефлекторно выпустил свою бестелесную сущность, схватив те крохи энергии, что были запечатаны в приблизившемся тельце. Немного, но наш инстинкт потребителей еще более неумолим.

Первый укус словно стал сигналом, на нас устремились сотни существ, окружая меня и Трою.

«Насекомые? – донеслась ее вялая из-за сонливости мысль. – Пакость... Где репеллент? Надо включить систему вентилирования воздуха... Нет. Ой! Я же не на станции. Да и откуда там взяться комарам? – Она заерзала, пытаясь неловко отмахнуться, явно пробуждаясь, но пока путая сон с реальностью. – Спать невозможно, жуужжат...»

Доставучие и кусачие мелкие хищники мешают моей добыче отдыхать?! Эта мысль стала приговором. Сам бы я не уделил возникшей угрозе столь пристального внимания, но их способность причинить вред Трое мне не понравилась. К тому же энергия лишней не будет. А с учетом количества мельтешащих рядом кусачих существ, решивших повторить судьбу первой жертвы, – вполне ощутимый глоток получится!

Быстро сообразил, что отслеживать каждый объект, уничтожая насекомых поодиночке, нерационально. Намного эффективнее выпить всех, кто в зоне поражения, разом. Истинная сущность эдаити незаметным в темноте фиолетовым облаком окутала тела – мое и моей добычи, с легкостью отбирая крохи жизненной силы у летающих существ. Безжизненные крошечные кусочки материи в тот же миг упали на землю.

«Высасывайте их разом», – поделился советом с собратьями.

«Рши нас не слышит. И вообще, похоже, не в состоянии даже кратковременно выйти за пределы оболочки. Он пы-

тался, когда освоился. Не получилось», – пришло резонное замечание Орша.

«Миш, Тат и Лис тоже», – подтвердил Зом, который весь вечер налаживал контакт с оказавшимися в женских оболочках, но до сих пор не до конца осознавшими реальность.

Впрочем, мы и без напоминаний опознавали движения эдайти в «оглохших» телах, подобно Трое пытающихся отмахнуться. А если Орш прав... Получается, что женские организмы имеют куда больше ограничений и неприятных изъяснов, чем мужские.

«Орш, возьми Риш на себя», – отреагировал я, позволяя позаботиться о безопасности тех, кто слабее. Теперь рядом с ними будут собратья, укрывающие защитным полем своей силы. – *О других тоже побеспокойтесь. И еще о пленниках».*

О последних вспомнил по инерции, все внимание было уже приковано к результату эксперимента. По сути, таковых оказалось два. Первый – от нас с Троей на равном ее росту расстоянии, не было ни единого летающего существа. Второй – я вновь столкнулся с крайне досадным ограничением: для истинной сути эдайти удалиться от тела-якоря на большее расстояние возможности не имелось.

«Короткий поводок», – улетела к собратьям образная ассоциация, которую я когда-то уловил в мыслях Трои.

«Мы привязаны к телам крепче, чем полагали, – несомненно, предпринимая аналогичную попытку, посетовал Орш. – Это может стать помехой».

«Значит, надо учитывать привязку в будущем. Все теперь у нас не так, как раньше, – напомнил я и приказал: – Расположиться еще ближе, не отдаляться. Все, кто на периметре, разделите контроль, распределитесь по времени, концентрируйтесь на любой приближающейся угрозе».

Мгновение, быстрое перемещение эдайти, ранее занявших не слишком удачные позиции, и вновь спокойствие и тишина, лишь изредка нарушаемая тонким звоном насекомых. Они подлетали, но не успевали прорваться через «заграждение» – всех, кто все еще не мог сладить с телом, и мужчин-пленных собратья окутали защитным полем силы, как я свою добычу.

Потребность оградить ее от любого дискомфорта ощущалась чем-то непреодолимым. Почему? Даже о собратьях, на которых всегда всецело полагался, размышлял меньше. Это из-за очевидной уязвимости Трои? Выпить ее уже не казалось мне значимым. Было ощущение, что результат не удовлетворит.

Но что мне тогда надо от добычи? Зачем трачу на нее свои ресурсы и время?

Внятных объяснений не находилось, в итоге утвердился в мысли, что ее ценность для меня в возможности получать информацию напрямую. Пусть женщина меньше меня разбиралась в окружающих процессах и с местными планетарными реалиями была незнакома, но ее знания о наших оболочках и материальных законах, довлеющих над ними, при-

носили пользу.

Этого же достаточно, чтобы пытаться сохранить ей жизнь?

Троя шумно вздохнула во сне и повернулась, устроившись щекой на моем предплечье. Ее кожа ощущалась такой гладкой и нежной в сравнении с моей... И снова уже знакомое мне отсутствие пространства между нашими телами!

Руку обдало жаром, а я не понял реакции оболочки – что спровоцировало локальное расширение сосудов и всплеск температуры? Через несколько ударов сердца осознал, что вдруг перестал дышать и продолжаю задерживать дыхание. Что за странные сбои? Могут ли они служить предвестием проблем с оболочкой?

Что-то подобное сегодня уже было! Когда мы добрались до этого места, и я опустил Трои с плеча на песок. Усевшись, она какое-то время приходила в себя, пока... Пока не устала на меня, и в ее мыслях не начался привычный уже хаос.

Обнаженка? Почему это слово столь сильно взволновало мою добычу?

В тот момент ее дыхание, в точности как у меня сейчас, замерло, а сердце резко ускорило ритм. Соотнеся направление взгляда Трои с шепотками пленников-мужчин, догадался – причина в моем теле. Вернее, в отсутствии на нем одежды. Однако понимания, почему захватившие нас гуманоиды придавали такое большое значение вторичной и совершенно

никчемной оболочке, так и не было. И все же, желая погасить панику женщины, я отыскал эту их «одежду» и натянул на себя.

Вроде помогло, Троя немного успокоилась. Еще и укорила себя, опасаясь, что наведет меня на мысли о размножении.

Очередное не желающее проясняться понятие. Уже не в первый раз женщина старательно гасит свои мысли, стоит в них возникнуть этому слову. Очевидно, оно как-то связано с телом. Моим или ее?

Сейчас тело женщины ощущалось отчетливо – ни скафандр, ни тонкая преграда эластичной ткани костюма не могли служить преградой моим осязательным способностям. Повернувшись на бок, Троя инстинктивно вжималась в мой бок, такая теплая, разомлевшая и расслабленная.

Неожиданно осознал: именно этот факт мешает моему сну, и вопреки усталости оболочка не погружается в полубессознательную отключку, призванную восполнить энергию. Или же дело в той подпитке, которую продолжали приносить подлетающие насекомые? Глоток за глотком – при соприкосновении с моей сущностью, погибая, они питали меня, осыпая крохами энергии.

Свободная рука, вдруг действуя вне моего контроля, необъяснимым образом заскользила по телу Трои, осязая его. М-м... Те самые отличительные особенности, что были и у тела Риша. Ладонь замерла на одной из выпуклостей в области грудной клетки женщины. Четкий ритм ее дыхания

и равномерно бьющегося сердца только обостряли возникший интерес.

Переместил ладонь на свою грудь – в моем теле все иначе. Нигде в моей версии оболочки не было схожей мягкости. Зачем тела мужчин и женщин отличаются? Так заведено в физическом мире?

И тут же в мыслях возник еще один заинтересовавший ранее образ. То самое ощущение приятности в момент тесноты между нашими с Троей телами. К чему упускать возможность? Пока есть время, надо исследовать непонятное. В данный момент – рассмотреть тело добычи. Возможно, пойму, почему материальным существам так важно прятать их тела. Или построю догадки о размножении? Оно точно связано с телом! Если это какая-то его жизненно-полезная функция, то подобное знание, несомненно, пригодится.

Ткань скафандра поддалась с возмутительной легкостью. Второй рывок, и еще более тонкая одежда опала двумя уже бесполезными лоскутами. А я впился взглядом в тело Трои – ту его часть, что стала видимой и кардинально отличалась от мужской версии оболочки. Одного взгляда достаточно, чтобы утвердиться в очевидном и уже проверенном факте – женская кожа более уязвимая, более нежная. Тут о самодостаточной защищенности и говорить нечего.

Все ее тело буквально кричало о мягкости и слабости, грудь трепетала даже от легчайшего дыхания. Моего воображения не хватало представить, что способен сделать с ней

даже не самый крепкий удар. Смять? Необратимо изломать?

Почему именно удар? Достаточно чуть крепче сжать женщину, чтобы нанести непоправимый вред. Что, если на нее упадет что-то тяжелое? Или она сама рухнет на твердую поверхность?

Эдайти не признают слабостей. Никогда не признавали. Такая вопиющая уязвимость могла вызвать в сознании любого из нас лишь презрение. Я понимал это!

Понимал, но... ощущал что-то иное. Удовлетворение? Желание защитить? Что за необъяснимые реакции? Сознание, отныне привязанное к оболочке, подкидывает их мне, реагируя на неведомые сигналы тела? Вот и еще один – желание не только смотреть, но и дотрагиваться.

Рука вновь переместилась на мягкое, едва подрагивающее полушарие женской груди. В месте соприкосновения наших тел словно образовалось статическое электричество – в кожу впелись сотни молний внезапно сгенерировавшейся энергии. Меня обдало жаром – волна тепла в доли секунды прокатилась по телу, поднимая температуру. Дрогнув, без привычной эдайти решительности ладонь робко скользнула ниже, на менее мягкий живот. Она продолжала жить своей жизнью, получая команды не от моего сознания. В нем сейчас царила абсолютная пустота.

Пальцы странно дрожали, не столько осязая, сколько... поглаживая? С волнением первооткрывателя я вслушивался в ощущения, уже ничего не понимая! Не слыша ничего, кро-

ме внезапно ускорившегося кровотока, отдающегося звоном в ушах.

Троя застонала, с тягучей плавностью перекатившись на спину. Другая ее щека, а с ней и такая беззащитная грудь впечатались в мое тело, практически ошпарив множеством жалящих импульсов.

– Еще, – сонно, едва различимо пробормотала добыча.

Ее долгий выдох прозвучал для меня так внезапно и оглушающе громко, что сердце от неожиданности чуть не лопнуло в груди. Каким чудом я не вскинулся, уже через миг оказавшись на ногах в режиме отражения глобальной угрозы? И чего, собственно, испугался? Как вообще мог испугаться? Прежде ничто во вселенной не могло поколебать моей стойкости.

«Кин?»

Вместе с мысленным призывом Орша с оглушающим грохотом обрушился на меня внешний мир. Как это возможно? Я что, на время перестал слышать и воспринимать абсолютно все, что происходило вне кокона наших с Троей тесно соприкоснувшихся тел?!

«Что с твоей оболочкой?»

Конечно! Для тех эдайти, кто сейчас бодрствовал, продолжая прощупывать пространство вокруг спящих, я воспринимался странно. Словно эпицентр жара в инфракрасном спектре. Жара похлеще, чем в подземной сердцевине местного гороподобного существа. И жар этот уже не растекался вол-

нами от тела Трои. Источником повышенной температуры оказалась собственная оболочка! Мой живот напрягался до каменной твердости, сдерживая сильнейший порыв к движению. Телом овладела какая-то невообразимая, сводящая с ума потребность прижаться к моей добыче. Толком не понимая, как и почему, я жаждал движения и тесноты. Тесноты между нашими телами, заморозившей новыми ощущениями.

«*Все... хорошо*», – с дичайшим трудом выдавил ответную мысль.

Концентрироваться на происходящем вне круга наших сплетенных тел стало необычайно сложно. Но... это же неправильно. И опасно!

«*Ты... – Орш запнулся, пытаюсь подобрать объясняющий образ, – разрушаешься?*»

Подобный вопрос стал возможен только с обретением материальности.

«*Нет*».

Мне удалось сфокусироваться на окружающем мире, заставляя сознание возобладать над реакциями оболочки. С тем, что произошло с телом, я не разобрался, но сейчас не время признаваться собрату в слабости. Это место изобиловало угрозами, и мне было кого защищать.

«*Тогда отдыхай*», – пришел резонный совет Орша.

«*Да*», – безропотно согласился, переключая внимание на Трою.

Чего ожидать от женщины, уже и сам не представлял. Впервые моя добыча меня... устрашила. Нет? Инстинктивно дала отпор? Неосознанно выявила естественный способ влиять на созданные для нас оболочки? Может ли так быть, что в их природе заложен некий механизм противостояния нам нынешним?..

Это надо прояснить! Позже. Сейчас, уверившись в возвращении контроля сознания эдайти, обхватил Трою и второй рукой. Чтобы она во сне не навредила кому-то еще... Она же моя добыча?! Значит, имеет право вредить исключительно мне.

Чем бы ни грозил этот вред, пережитые ощущения захватили. Уже сейчас я жаждал испытать их вновь. Только в более благоприятной обстановке.

Прислушался. Троя затихла, успокоилась, кажется... Заснула.

Понимание этого сказалось успокаивающе. Я тоже начал погружаться в состояние, которое называлось «сном».

Однако долго оно не продлилось – нашелся возмутитель спокойствия, привлекший внимание. Сознание эдайти оставалось настороже и среагировало молниеносно, пробудив оболочку. Приоткрыв глаза, я увидел темный силуэт, шатающейся походкой бредущий к зарослям высоких кристаллов. Опознать в нем пленного, в светлую пору сцепившегося со штурманом, труда не составило.

Что погнало его в сторону от лагеря? Особого интереса

не было, скорее отстраненное любопытство – никто из них, кроме Трои, не являлся для меня значимым. Ощущая роящихся и сдерживаемых только воздействием эдаити насекомых, добыче я бы не позволил отойти. Но этот пленник... Его перспективы никого из нас не занимали. Никто из эдаити не шелохнулся, чтобы воспрепятствовать мужчине. Упав он в темноте в своей сонной прострации и сломав шею – внимания бы не обратили. Было лишь интересно понять, зачем он в одиночестве движется в сторону от всех? Не я один наблюдал сейчас за пленником.

Услышав журчащий звук, сообразил – причина в потребностях оболочки. Покинуть лагерь мужчину вынудила необходимость избавиться от излишков жидкости. Раздался скрежет фиксаторов скафандра и яростно-злое: «Идите вы все...»

«Беспольный, – услышал ленивую мысль Орша. Крайний со стороны зарослей, он, конечно, тоже наблюдал маневр. – Зачем таскать с собой? Давай подпитаюсь им?»

«Голодный? – отозвался без особого усердия. Участь пленника меня не заботила, но настораживала возможная реакция Трои, обнаружь она его после пробуждения. – Хватает другой пищи».

Постояв в раздумьях, обратно пленник не вернулся. Подпитанная дурным сном ненависть, которую я видел в его глазах, когда он пререкался с Троей, гнала его прочь от нас. Мужчина, забыв спросонья, где находится, отошел к самой

границе кристаллического леса и опустился на песок.

– Твари... Все твари... Давить гадов, – бормотал, отмахиваясь от снующих вокруг насекомых. Наконец улегся на бок.

«*Сверху!*» – Орш подал безмолвный сигнал, переключая наше внимание на новый объект.

Над верхушкой дерева-кристалла бесшумно скользнула тень пролетевшей в ночном небе огромной плоской твари. Порыв ветра раскачал ветви. Издали донесся стрекочущий звук. Ему ответил еще один, рваный, жесткий, переплетающийся с раскатистым приглушенным стуком. А следом раздался протяжный стон – резкий, громкий и очень уж близкий.

Нет, местный мир совсем не пуст. Мы все спокойно принимали данность: тут есть свои чудовища. И одновременно знали, что о себе позаботимся.

«*На контроле проблема?*» – бросил в пространство Заку, охраняющему периметр лагеря.

«*Нет,* – пришел ответ. – *Угроза для эдаити отсутствует*».

Каким бы ни был мир и кто бы его ни населял, главными хищниками останемся мы. Это неизменно.

Глубоко втянув воздух, напитанной ночной прохладой и смесью незнакомых пока запахов, уловил такой близкий и молниеносно узнаваемый аромат волос Трои.

Стон, больше похожий на вскрик, раздался снова. Но проверять, отыскивая его источник, я не стал. Привык доверять

и полагаться на собратьев. Беспокойства со стороны остальных не ощущал. Значит, пусть сам разбирается, кто бы там ни кричал.

У меня появилась куда более важная забота – разбуженная звуками Троя начала проявлять активность. Вздохнула, завозилась в моих руках, пробормотала «дайте поспать», уткнулась носом в сгиб локтя и затихла.

Очередное нелепое и лишённое смысла прикосновение поразило, я опять словно выпал из реальности, оглушённый всплеском ощущений, что спровоцировала своеобразная ласка теплого дыхания. Пришлось вновь прилагать усилия, чтобы успокоиться.

Когда шум крови в ушах стих, понял, что прежние вскрики и хрипы со стороны зарослей тоже смолкли. И расслабился, окончательно погружаясь в столь нужный телу период покоя. Рад был бы сохранить обычную для бодрствования связь с оболочкой, использовать рецепторы и продолжить активный анализ окружающего, но увы, ее потенциал на сегодня был исчерпан.

В этом своеобразные минусы материального организма – он восстанавливался, только когда я от него отключался. С этим приходилось считаться – для полноценного существования в этом мире одних сил эдайти недостаточно, требовались и ресурсы физического тела.

Но в отличие от оболочки сознание эдайти не выключалось. Я все равно улавливал мыслеобразы собратьев, пооче-

редно сменяющих друг друга во время ночного дежурства и сообщающих отдыхающим о происходящем вокруг.

«Температура воздуха падает – усиливайте теплообмен».

«Женских особей прикройте, они меня не слышат».

«Приближается какое-то крупное существо...»

«Помощь не нужна, я его отогнал».

«Новая атака насекомых, их все больше».

«Начинается розовый восход».

«Местная живность прячется».

«Пошло нарастание ультразвука».

«Влажность воздуха тоже растет».

Я все это улавливал и не задумываясь реагировал, посылая организму нужные для правильной адаптации к изменяющимся условиям импульсы. Повысить температуру тела? Теснее прижать Трою к себе! Приготовиться к возможным активным действиям. Вырваться сущностью эдайти из оболочки, забрать крохи энергии, осмотреться и вернуться. Снова расслабиться...

Почувствовав, что тело полностью восстановило силы, открыл глаза. Напряг мышцы, возвращая им тонус, и осторожно приподнялся, стараясь не потревожить свернувшуюся в странной позе Трою.

Глаза распахнулись шире, реагируя на неожиданные перемены. Поляна, на которой мы обосновались, выглядела иначе, нежели накануне. Озаряемая тусклым розовым све-

том меньшего светила, заполненная снижающим видимость туманом, она покрылась толстым слоем объемных ледяных белых сгустков, скрывших под собой кристаллические растения. От них и промерзшей поверхности веяло холодом. Лишь вокруг наших тел, очевидно, растопленные более высокой температурой оболочек, образовались песчаные островки.

Зачерпнув холодную рыхлую массу в ладонь, я с любопытством наблюдал, как хлопья исчезают, превращаясь в белесый пар и оставляя ладонь совершенно сухой.

Мои движения разбудили Трои. Она села и тут же вскрикнула, уставившись на свое тело и обхватив себя руками. Ее движение совпало с моим – я притянул добычу к себе, решив, что она вознамерилась вскочить. Розовое светило четко ассоциировалось с опасностью для Трои – я ощущал вибрацию ультразвука вне защитного поля, что генерировала сущность эдайти.

– П-почему?... – добыча запнулась, нервно дернувшись в моих руках. В ее голове царил такой хаос, что не получалось разобрать ни единой мысли, но, на удивление, отодвинуться она не пыталась. Наоборот, сжалась и словно силилась спрятаться за моим телом. От какой угрозы?

Я всеми доступными ресурсами изучал окружающее пространство, пытаюсь это неведомое найти, когда услышал глухое бормотание:

– Где моя одежда?

Снова одежда? Почему материальным так важна ничем-
ная дополнительная оболочка? Одной рукой легко удержи-
вая Троя, второй подхватил надорванные лоскуты, протяги-
вая женщине.

– Она?

– Что?! – зашипела она все так же шепотом, демонстрируя
очевидное потрясение, едва увидела остатки своего вчераш-
него облачения. И тут же вскинула голову, видимо, желая
отыскать мой взгляд. – Это ты ее испортил? – Щеки добычи
обдало жаром. – Я не могу без нее!

Ну вот опять.

– Почему?

– Стыдно. – Троя отвела глаза, чтобы тут же зажмуриться.

Я следил за ней, с неудовольствием отметив, что посмот-
рела она туда, где накануне устроились на ночлег ее собра-
тья. Добыча явно боялась напороться на их ответные взгля-
ды. Это озадачило. Но проблема не казалась существенной,
позже я смогу выяснить эту нелогичную зависимость мате-
риальных. А пока...

«*Lex!*» – короткий зов и мысленный образ, посланный эда-
ити, которому перед рассветом досталась обязанность обо-
греть и защищать пленников от насекомых.

В тот же миг, не заботясь о реакции еще спавшего Игеря,
собрат сорвал с него куртку и перебросил мне. Подтверждая
состояние крайней растерянности, Троя не возражала, когда
я укрыл ее плечи.

Спешно просунув руки в рукава, она сомкнула все застежки на груди и громко облегченно выдохнула, словно бы выныривая из-под воды. Только после этого начала озираться, с неверием присматриваясь к белому покрытию.

– Снег?.. – выдохнула очередное новое обозначение, а с ее губ сорвалось облачко пара. – Нет, серьезно снег? Брр... – женщина поежилась, неосознанно теснее прижимаясь к моему горячему телу.

Движение правильное – сейчас ей грозило не только переохлаждение, но и ультразвук, которого она панически боялась. И оно отозвалось полным одобрением не только моего сознания, но и тела, которое, как и вчера, удивило неожиданно родившимся в груди перекаत्याющимся звуком. Что это за реакция? Какой смысл несла?

Ответ могла дать только Троя, но она лишь растерянно прислушивалась, не спеша вносить ясность. И я, оставив проблему, занялся обменом информацией с собратьями. Все уже пробудились и коллективно анализировали сведения, за ночь собранные наблюдателями.

Крохи моего внимания достались и штурману – он странно хлопал глазами, осматриваясь с тем же изумлением, что и Троя. Неосознанно растирал ладонями плечи, ощущая пониженную температуру. Насекомые с приходом светлого периода суток донимать перестали, и ответственный за пленника Лех сдерживал только влияние ультразвука, не прилагая усилий на обогрев. А теплая куртка Игера обеспечива-

ла комфорт моей добыче. Ситуация устраивала меня всесторонне!

Эти наблюдения являлись лишь фоном приоритетных задач: удостовериться, что все эдайти в порядке, а имевшие проблемы с оболочками прогрессируют в навыках управления телами. Сегодня нам предстоит продолжить путь через устрашающего вида заросли кристаллического леса. Будет лучше, если все смогут передвигаться самостоятельно.

Но прежде насытимся. Пункт первый нашего плана – добыть еду. Ночная гигантская летающая тварь пробудила хищный азарт извечных охотников – я ощущал голод. Самое время отыскать местную зверюшку, заодно немного разведав окрестности. Если судить по размерам твари, хватит наполнить энергией не одну сущность эдайти, значит, отправимся группой.

«Поохотимся?» – бросил мысленный клич собратьям и назвал тех, с кем намерен отправиться: – *Щег, Тас, Ори, Хем, Хал».*

«Женские организмы не в состоянии получать энергию извне, как это все еще способны делать мы, – отозвался Орш. – Видимо, поэтому они требовательнее к количеству материальной пищи. Им нужно больше еды, чем нам. Корабельные запасы невелики, и рациональнее их сохранить на случай, если другой еды не будет. Следует отправить вторую группу за теми красными шарами».

«Согласен», – одобрил его предусмотрительность, между

делом поглядывая на небо – предпочтительнее идти, когда угроза для моей добычи минует. Маленькое розовое светило практически завершило свой стремительный бег по небу. Скоро ультразвук пропадет, Трою можно будет оставить на попечение собрата, который присматривает за пленниками.

Шестеро эдаити синхронно развернулись и направились к хищной горе – им предстояло противостоять обволакивающему влиянию ороговевшего гиганта и принести столько отростков со съедобными шишками, сколько смогут.

Остальные по-прежнему занимались необходимыми в настоящий момент делами: согревали и пытались разговорить пока еще дезориентированных, но уже осмысленно осматривающихся и норвящих подняться женских особей, изучали ближайшую зону леса, распределяли остатки питательных шаров, освобождали организмы от излишков воды и ненужных веществ.

Состояние Трои ощущалось как вполне удовлетворительное – угрозы жизни не было. Сидя рядом, в коконе тепла, исходящего от моего тела, она продолжала теревить остатки форменной куртки и рассматривала беловатую массу, названную снегом. В мыслях женщины наблюдалась странная пустота, как если бы она погрузилась в некий созерцательный транс. Там крутились непонятные мне белесые образы и часто всплывало слово «дом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.